

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Dubna 1934.

— **Volné Kozáctvo** —

Ročník VII.

25-го апреля 1934 г.

151

25-го квітня 1934 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 7-ой

РІК ВИДАННЯ 7-ий

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

1. И. К. Скубани: Весна пришла. (Verše).
 2. " " Песня кубанцев. (Verše).
 3. Иван Назаров: Пана Карасева с хутора Титова. (Verše).
 4. Вероника Михалевич: * * (Verše).
 5. Борис Кундрюцков (+): Мой Черкасск. (Verše).
 6. " " Поэту. (Verše).
-
7. Готтентотская мораль. (Hottentotská morálka).
 8. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
 9. Николай Посохов: „Ничто не ново под луной“. (Nic nového).
 10. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 11. Наконец-то нас заметили. (Přece nás objevili).
 12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 13. На Дальнем Востоке. (Na Dalekém Východě).
 14. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Немет. — Ф. Ч. — Ответ — письмом.

Тулуза. — И. К. — Журнал Ш. посылается. Не стоит больше заниматься оппозицией. Правда Ваша, что она угонула в своей собственной лжи. Привет.

Варшава. — И. Р. — Спасибо.

Тулуза. — Х. — Хорошо. Привет.

София. — А. Л. К. — К сожалению, таких книг у нас еще нет. Привет.

Белград. — П. М. — Получено. Привет.

Франция. — П. П. — Вы правы: наша „оппозиция“ принадлежит к того рода „демократии“, которая не подчиняется большинству, а наоборот, сама будучи весьма незначительным меньшинством, хотела бы командовать большин-

ством. В. к. на это не пошли и решительно такие домогания отвергли. Привет.

Белград. — Н. Д. — Получено. Пришлите еще по одному экземпляру за ф. и м. Привет.

Харбин. — Ат. станицы Г. — Послано. Привет.

Ј. Градец. — Ф. Г. — Получено. Привет.

Vršovice. — Д. Е. — Получено. Привет.

Болгария. — И. К. — Какой мир возможен с „оппозицией“? — весьма простой: безоговорочное подчинение ее большинству вольных казаков. А большинство это уже высказалось; никому никаких привилегий. Есть среди нее, конечно, и такие, каким места в рядах ВК уже не будет. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Р У М Ы Н И И:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff. Galatz.

В П О Л Ъ Ш Е:

Ф. Сафонов. F. Safonow. Augustow.

В Б О Л Г А Р И И:

П. Н. Кудинов. Александров.
Н. М. Егоров. Лом.

Ф. Е. Бабкин. София.

И. Д. Кузнецов. Ески-Джумая.

С. Поляков. Варна.

С. А. Гринкин. В.-Търново.

Д. Ф. Князев. Сливен.

В Г Е Р М А Н И И:

Г. А. Козловский. Berlin.

В Б Е Л Ъ Г И И:

Г. К. Рудаков. Брюссель.

В О Ф Р А Н Ц И И:

А. К. Ленинов. M-eur Lenivoff. Lyon.

В. Д. Кондрашов. M-eur Kondrachoff. Colombelles.

Ив. Т. Курило. M-eur Kourilo. Toulouse.

И. Д. Попов. M-eur Popoff. Mont-Ferrand.

И. С. Орехов. M-eur Orekhoff. UGINE.

А. Г. Дронов. M-eur Dronoff. Tourcoing.

Н. П. Ивановсков. M-eur Ivanovskoff. Montargis

В. Богданов. M-eur Bogdanoff. Lille-Fives.

Б. Лепешкин. M-eur Lepochkine. Sens.

В. Ф. Фролов. M-eur Froloff. Décines.

И. З. Зотов. M-eur Zotoff. Valence.

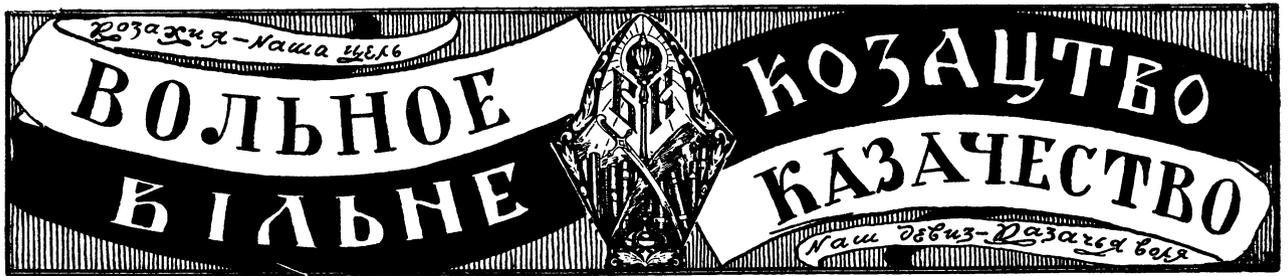
Я. Л. Безгласный. M-eur Besglasny. Dijon.

В Ю Ж Н О Й А М Е Р И К Е:

С. С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

Н А Д А Л Ь Н Е М В О С Т О К Е:

И. С. Константинов. Харбин.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 151

Среда, 25 апреля 1934 = Среда, 25 квітня 1934.

№ 151

И. К. Скубани. (Румыния).

ВЕСНА ПРИШЛА.

Весна пришла, величием сияет
И льет цветов волшебные дожди.
Ее звенящей радостью встречает
Природы гимн: — Желанная, гради!

Весна пришла. . . Все в мире торжествует,
Блестя, искрясь на солнечном огне,
Лишь сердце все болезненно тоскует
И не поет восторженно весне.

Увы, она чарующими днями
Мне юности прошедшей не вернет
И в край родной, загаженный врагами,
Ликующей свободы не несет. . .

Не усыпит моих воспоминаний,
Обманутых надежд не воскресит,
Не заглушит печали о Кубани,
Не сгонит слез с обветренных ланит. . .

Ведь вот такой весною, утром рано,
На черноморском диком берегу,
Послушные приказу Атамана,
Сдались мы свирепому врагу. . .

И сгнули — одни от голодовки,
Другие спят — сраженные штыком,
А многие, попавши на Соловки,
Замучены насильственным трудом. . .

Но, казаков предавши на расправу,
Бежали в Крым трусливые вожди,
Забыв про честь, про войсковую славу,
Не устыдясь позора впереди. . .

Нет, не люблю я вешнего расцвета
И зеленью украшенных равнин, —
Теплом весны душа не разогрета,
В ней — прежний мрак зимы да стужи
льдин. . .

ПЕСНЯ КУБАНЦЕВ.

Дети вольные одной
Матери Кубани,
Мы стоим сплошной стеной
У родимой грани.

Мирно с миром жаждем жить
В вере православной,
Цель отчизны нашей — быть
Среди равных равной. . .

Но коль кто в стремленьи злом
Посягнет на Волю, —
Пронесется клич, как гром,
По родному полю.

Из станиц и хуторов,
Будто тигров стая,
Выйдет Войско казаков
На защиту Края.

На седых отрогах гор
И в долине влажной
Встретит яростный отпор
Супостат отважный. . .

Мы — воинственный народ,
Нам бои — забава,
С давних пор, из рода в род
Нас венчает слава.

Славься вечно, вольный Край —
Родина святая!
Нескончаемо мерцай,
Слава вековая!

Лейся, песня kobzareй
О красе преданий
И делах богатырей
Доблестной Кубани!

И. М. Назаров. (Княжевац).

Пана Карасева с хутора Титова.

I.

Красотка Пана Карасева —
 Что наш лазоревый цветок.
 Ее глаза — как изумруды,
 И брови черные — в шнурок.
 Ее ресницы, ах, ресницы, —
 Я не видал таких ресниц
 Ни у одной из дев столицы, —
 Они — как крылья синих птиц...
 Черты лица ее прекрасны.
 Улыбка в девственных устах,
 Как тихий сон, мила и властна...
 И до колен коса в волнах...
 Ее походка — как у львицы,
 Ее движенья — будто взлет...
 А если в пляске развернется
 И „с под руки“ на вас взглянет, —
 Пиши пропало!! — спать не будет,
 Кому упал тот дивный взгляд...
 Что повернется — изогнется...
 И груди полные дрожат...
 Вдыхал по ней весенней ночью
 В Титове парень не один,
 Но сердце Паны Карасевой
 Непобедимый паладин...
 Она в мечтаниях витает...
 Улыбкой нежной вас дарит,
 Любовь же кровь ее не сушит,
 И вихорь страсти в сердце спит...

II.

А лет ей было девятнадцать
 В тот год, как гул из под земли,
 Как дальний гром, гремел по степи,
 И в хутор „красные“ вошли.
 Ее с утра в тот день проклятый
 Под сеном в яслях скрыла мать:
 „Лежи — молчи... Отца коль нету,
 Так я вас буду укрывать“...
 Но за себя не так боялась
 Красотка Пана... Брат Матвей —
 Лежал он раненый... о, Боже!..
 И за него так страшно ей.
 Перенесли его из дома
 И в погреб спрятали... Но тут
 Кругом — доносчики, как змеи...
 Не дай Бог красным донесут.

III.

Тот день был памятен и страшен.
 Скрипели вербы, тучи шли,
 Шумел камыш по снежным „музгам“,
 И где-то выли кобели.
 Волной суровой Дон закрылся,
 И „мга“ лежала по степям...
 „Идут они“, шептали бабы:
 „Идут, проклятые, и к нам“...
 Два взвода их вбежали в хутор...
 С коней дымится серый пар,

На шапках звезды, без „погонов“...
 В матросской форме комиссар...
 „Эй, бабы“, крикнул он озорно:
 „Жратвы несите все сорта, —
 Не то солдатскою крупую
 Набьем мы ваши животы!
 Где атаман?“ — Позвали деда.
 „Сережник дед“ был сед и стар...
 „Скидай картуз пред комиссаром!“
 Кричал нахально комиссар.
 „Не скину“, дед сказал сурово.
 И стукнул в землю костылем.
 „Чего кричишь? С какого права?
 О чем ты лаешь кобелем?!
 Коль надо што, — скажи, што надо,
 По праву требуй и бери,
 Но честь казацкую не трогай
 И понапрасну не ори!“
 Как на огне, запекся злобой
 От смелой речи комиссар.
 „Схватить!“ он крикнул супостатам:
 „На небе нужен кашевар“.
 Схватили деда... Пять винтовок...
 Шагов на двадцать навели...
 И тихий залп... И суд готовый...
 Потом по хутору пошли...
 Убили бабку Пухлякову
 За то, что будто скрыла клад,
 И деда Мухина Степана,
 И двух кадет — его мальчат...
 Прошли проулок, завернули
 В правленья... Церковь подожгли,
 Стреляли в окна для потехи
 И... в Карасевский дом зашли.
 „Эй, бабка! Слышал я, что девка
 Твоя, как роза, расцвела“...
 „Есть девка, правда, но в станицу
 К больной золовке отошла“...
 „Ну, это жаль... А то на розы
 Я с детства падок... И во сне
 Все снятся мне казачьи девки...
 А есть ли деньги в курене?!“
 „Какие деньги, — мы не бары...
 Откель могли бы деньги взять!
 Коль надо хлеба, кур иль гуся,
 Я вам и так могла бы дать“...
 „Гусей и кур? И это дело!“
 Сказал, смеясь, комиссар:
 „Ловите кур!“ Солдаты стали
 Ловить их в кашу на навар...
 И с тем ушли. „Ну, слава Богу“,
 Крестилась мать... Но в тот же час
 Русачка Дунька к комиссару
 „Побегла“ рысью... Глаз на глаз
 Она ему шептала что-то...
 Он взял револьвер и людей
 И вновь вернулся, окаянный,
 И прямо в погреб „вшел“ злодей.
 Ну, там нашел Матвея с раной
 И приказал конвою взять.

„Убей меня ты, супостатин!“
 В слезах на крик кричала мать,
 Но все ругались „пасоромно“,
 Играв бомбами в руках,
 И кровожадный смех Иуды
 Змеился в их звериных ртах...

IV.

Был суд и тут и суд короткий:
 „Ты партизан?.. И был в боях?.. —
 „Ну, да! А что ж ты думал? Ранен
 В атаке конной, не в задах...“
 „Служить у нас коль хочешь, — этот
 Вопрос решит твою судьбу...“
 „Служить у вас?! Мой дед с папашей
 Перевернулись бы в гробу!
 Давай чиво нибудь другое,
 А это... даром трата слов“.
 „Дадим другое — шесть патронов
 И к стенке с места“. — „Я готов“.
 И повели его, и стали
 Солдаты в ряд. А он стоял,
 Как будто вылитый из стали:
 Не дрогнул мускул... И сказал:
 „Стреляйте нас... чтоб на могилах
 Просторней было бы вам жить,
 Но никакой земною силой
 Вам нашей мести не убить!
 Стреляйте нас... Но будет время —
 В ответ на ваш советский рай
 Мы вашей кровью окаянной
 Зальем все степи с края в край!
 Погибнем мы — на наше место
 Другие встанут из земли,
 И Дон вскипит в огне пожаров.
 Не быть нам в рабстве комиссаров!
 Не быть! Готов я! Сволочь, пли!“
 И грянул залп. И пал облитый
 Он жаркой кровью молодой,
 Как сын страны своей родимой
 И воин доблести степной.

V.

Так умирали братья наши.
 Так шла на смерть их Божья рать,
 И нам в боях за честь и волю
 Велели так же умирать...
 И если б все такой ценою
 Отдали жизни в смертный бой,
 Мы не скитались бы по свету
 В чужих краях земли чужой,
 А были б горды и могучи,
 Как наши степи — Край Родной, —
 Как их простор, их даль и тучи,
 И грозный ветер степовой.

VI.

Рыдала мать. Узнала Пана...
 Слезами горько залилась.
 Две ночи по полу каталась.
 На третью Богу поклялась —
 Не жить, не видеть жизни света,
 Не быть у идолов в долгу,

Пока в огне кровавой мести
 Не отомстит она врагу.
 И стала ждать. Прошла неделя
 И две других. По хуторам
 Не так уж дико шла расправа...

И вот решила к комиссару
 Идти просить за сына мать,
 Чтоб разрешил его из ямы
 Перенести к его отцам
 Схоронить... У Паны гневно
 Заныло сердце, по глазам
 Прошли огни. „О, нет, мамаша!“
 Она сказала: „я пойду...
 Я правду требовать сумею
 И суд скорей тебя найду!“
 Боялась мать, но речью бойкой
 Сумела Пана убедить,
 Что в этом разе „беспременно“
 Должна она к нему „иттить“.

VII.

Был вечер темный и суровый.
 Чуть под ногами снег хрустел.
 В туманном мраке тихо падал
 Холодный дождь и леденел;
 Как мертвый — хутор... Глухо окна
 Забиты ставнями „от них“.
 Сквозь щели там сверкают свечи
 В слезах от капель восковых.
 Пустые улицы — не ходит
 Никто в ту пору в хуторах...
 Но если Пана что решила,
 Ее не сдержит женский страх.
 И что ей страх, коль с жаждой мщенья
 Ее зовет убитый брат,
 И слезы жалости кровавой,
 Как жар, в душе ее горят!
 Но вот и дом. И флаг с звездой.
 Доска на нем: „комиссариат“.
 Он тут „стоит“, проклятый Каин...
 И что ей скажет супостат?
 А что, коль скажет, чтоб солдаты
 Ее схватили!.. Но в ответ —
 Кинжал, под поясом сокрытый,
 Ей даст и „помощь и совет...“
 В последний раз она решила
 Быть смелой с места до конца.
 Коль надо чары, — „заворожит“
 Она в притворстве подлеца.
 Открыла дверь. В большой приемной
 Сидит он важно за столом.
 Один солдат „чивой-то“ пишет,
 Другой в дверях стоит столбом.
 Был поражен и очарован
 Красивой девкой комиссар.
 Он покраснел, как рак вареный,
 Такой зажегся в нем пожар.
 Не только брата, — всех убитых
 Он дал бы право схоронить,
 Лишь только б видеть очи эти
 И в них хоть искру отразить...
 Он с ней так искренно любезен...

В ответ любезна с ним она,
 Она, чей брат в кровавой яме,
 И чья душа не отмщена...
 Но Пана знает цель улыбок
 И цену взглядов... Это мечь
 Кует свой план в расчетах крови —
 За смерть... и всю казачью честь.
 Она в свой час покажет хаму
 Стальные когти тех орлиц,
 Что рвут на части зайцев серых
 И черных галок — подлых птиц!
 Она докажет негодяю,
 Что средь казачьих хуторов
 Любить умею девки наши,
 Но, если надо, льют и кровь!..
 Чтоб не мешали разговору,
 Он из приемной выслал всех...
 Дал Пана стул; в надежде тайной
 На свой воинственный успех,
 Он стал ей сыпать комплименты,
 Он говорил о страсти ей...
 И был смешен, и был он гадок,
 Как вороватый воробей...
 В конце концов, он пропуск пишет...
 Он пропуск пишет, но в ответ
 Он ждет не больше и не меньше,
 Как час свиданья... „Да или нет?“
 Она подумала, смутилась...
 Зарделись щеки, блещет взгляд...
 Она согласна... но сегодня...
 Все видят... знают, — осудят...
 Чрез три же дня, в глухое время,
 Когда не будет никого,
 В саду... у дуба... за дворами
 Она готова ждать его.
 „Коль ты не трус“, сказала Пана:
 „Приди без стражи... ночью... в час...
 Трусам же девки хуторские
 Не отдаются, как у вас...
 Коль сохранишь ты тайну эту
 И дашь мне перстень глаз на глаз,
 Узнаешь страсть мою, коль хочешь,
 Ты и потом еще не раз...
 Придешь с конвоем, — все пропало:
 Я буду знать, что ты лишь трус,
 И не тебе падет на долю
 Мой первый девичий конфуз“...
 И с тем ушла... Он пил до света
 В надежде пылкой, как шальной.
 А Пана в гневе тайной мести
 Ковала план и ждала бой.

VIII.

На утро брата схоронили.
 Весь хутор шел — и мал, и стар.
 Прошло два дня, и день урочный
 Ждет-не дождется комиссар.
 Настала ночь... Такою ночью
 Волки отводят в степь свиней,
 Коней воруя конокрады,
 И бьют разбойники людей.
 Дул ветер северный, суровый
 Из „их“ владений ледяных.
 В саду деревья глухо ноют.

Холодный дождь купает их.
 За садом — Титов Яр. Обрыв
 Его скрывал. Над яром — гать,
 А снизу „коловерть“, в которой
 Никто не может дна достать.
 У яра — дуб; ему считают
 За двести лет и говорят —
 Под ним уби! сноху родную
 И бросил с яра дед Игнат.
 Под этим дубом, у обрыва,
 И Пана будет ждать „его“,
 Врага лютого своего...

Но близок час — пора собираться.
 Она крестится раз-другой,
 Берет кинжал — его за пояс
 Кладет чуть дрогнувшей рукой.
 Платок и шаль — она готова,
 Чуть двери скрипнули. Во двор
 Она выходит, озираясь...
 И будто искры мечет взор.
 Проходит в сад... Деревья стонут.
 Уныл и тягостен их стон.
 Как жутко крадутся в тумане
 Толпы теней со всех сторон!
 Ни зги не видно, будто в небе
 Померкли звезды. Облака
 Бегут над самую землю
 Куда-то в даль издалека.
 Сурово, хмуро и угрюмо
 Ее встречает старый сад.
 „Быть может, так же шел когда-то
 В такую ночь и дед Игнат“,
 Мелькает в мыслях милой Паны...
 Но ей не страшно ничего.
 Она не даром в ночь такую
 Следит и выследит „его“,
 Она не даром безвозвратно
 На карту ставит жизнь и честь...
 То мечь ведет ее святая,
 О брате плачущая мечь...
 Но вот и дуб, и гать на яром,
 И снизу коловерть. Теперь —
 Стоять и ждать, чтоб „навалился“
 И шел на мясо красный зверь.
 Она стоит и ждет, — и что же:
 Хоть мечь — не то же, что любовь,
 Но у нее и сердце пышет,
 И, как в огне, пылает кровь.
 Лицо горит, сверкают очи,
 Рука — как сталью налита, —
 „Не шутка дело“: комиссара
 Свалить кинжалом — не кота...
 Но страха нет: его убила
 Как буря огненная мечь.
 — Нехай узнают супостаты,
 Что и над ними правда есть...

IX.

Пришел и он... Из мрака ночи
 Он вышел грозный и большой.
 Идет, как волк — так волк голодный
 Идет к кошарам за овцой.
 „Ты ждешь меня?“ сказал он тихо

И сильно руку Паны сжал.
 „А ты один?“ она спросила.
 „На кой бы черт я навязал
 Себе охрану на свиданье
 С такой красавицей! Не так
 Я был бы прост по этой части
 И уж настолько не дурак...
 И ты одна?“, спросил он строго.
 „А кто же может быть со мной?!
 Отец иль брат?! Мой брат „надыся“
 Засыпан свежеею землей“...
 „Прости за глупость!“ Он смутился,
 Но это было лишь на миг, —
 Ведь это все — и стыд, и совесть, —
 Пустые призраки для них.
 Они не знают, что такое
 Святынь духовных торжество;
 Для них — вино, кутеж и девки,
 Да вволю было бы „жратво“...
 „Прости, что я тебя обидел“,
 Он Пана ласково сказал
 И крепко сильною рукою
 Ее за талию обнял.
 „Не надо, нет!“ рванулась Пана
 И руку сбросила в злобе.
 „А что ж“, сказал он: „разве даром
 Пришел я, милая, к тебе?!
 Болтать, любезничать и в фанты
 Играть ли будем по ночам?!
 Играют с этим ваши франты,
 А нам... другое надо нам!
 Дари мне страсть, гори, как пламень,
 Раскрой мне тело, ангел мой!“
 И обнял дерзко с дикой силой...
 Она дрожала... „Нет, стой!“
 Но он не ждал: рукою насильной
 Колено голое ея
 Он сжал, и вверх... как гад, по телу
 Ползла рука его — змея.
 „Пусти меня!“ сказала Пана,
 И голос сталью задрожал.
 А он не слушал... и горящей
 Рукою он тела не пускал.
 И только он в жару бесстыдном
 Ее схватил и срамно сжал,
 Как у груди его из мрака
 Блеснул в руках ее кинжал
 И — прямо в сердце! Он споткнулся,
 Повился станом и, как пень,
 Упал со стоном к корню дуба,

В его таинственную тень.
 „Готов“, сказала тихо Пана,
 И кровной мести сладкий смех
 Сверкнул в довольстве горделивом
 За дерзкий подвиг и успех.

X.

Но это все ль? — Она дождалась,
 когда остыл он, как баран,
 Веревку к шее привязала
 И к той веревке на аркан —
 Тяжелый камень... Труп холодный
 Перетащила к яру... в Яр
 Потом ногой его толкнула, —
 И „бухнул“ в воду комиссар.
 „Теперь“, сказала Пана нежно:
 „Лежи спокойно, тихо там
 И про любовь казачьей девки,
 Шутя, рассказывай сомам“.
 Вернулась в дом... А утром рано —
 Еще рассвет не бросил тень —
 Замыла кровь, следы прикрыла,
 Легла и спала целый день...
 На утро — нету комиссара!
 Повсюду сыск был наряжен,
 Но толку так и не добились, —
 Как будто в воду канул он...

XI.

В изгнании вновь я видел Пану.
 Ей было двадцать восемь лет.
 Все тот же вид неотразимый
 И тех же глаз лазурный свет.
 Ее супруг — хорунжий бравый
 Лихого пятого полка.
 У них — дочушка, — вся в мамашу, —
 И два мальченка-казака.
 Жена примерная: хозяйка
 И мать, каких немного тут.
 В любви, согласии и мире
 Они, как в хуторе, живут...
 И кто, глядя в такие очи,
 Увидеть мог бы не во сне,
 Что тайна смерти комиссара
 Лежит в их дивной глубине,
 И что безумный зверь, какого
 Боялись все и всюду „там“,
 Убит, как кот, ее рукою
 И брошен в коловерт к сомам!

Вероніка Михалевич.

* * *

Ніби стиха кажуть: сонце
 Заховалось за обрій...
 Тихо. Чуєш, стогне серце —
 Був тяжкий, нерівний бій.

Напівголі, напівбосі
 У пекельній боротьбі,
 Як мара, простоволосі
 Яму вирили собі...

Маки, маки — кров-краплини
 Червоніють у полях;
 А навкруг — одні руїни
 Й тихі сльози на очах.

Мріє степ, в степу могили;
 Не шумлять уже житá...
 Ох, не плач же, ненько мила:
 Смерть синів твоїх свята.

Борис Кундрюцков. (+)

МОЙ ЧЕРКАССК.

С Дона ушел я пред силой врага...
 Долго я плыл по морям,
 Долго я шел по лесам,
 По дорогам чужим, неизвестным,
 И со мною была лишь зима да пурга,
 Да была глубоко, в самом сердце, тоска...
 Как гадюка-змея,
 Завязавшись узлом,
 Будто в теплом углу уютилась
 И кусала и жгла ядом все казака...
 У широкой воды, там, где спит Мичиган,
 Стал я землю таскать,
 В одно место ссыпать —
 Так с утра до пугающей ночи...
 И с годами возрос одинокий курган...
 Сделал в нем узкий я вход...
 В подземельи живу...
 По утрам лишь, в зарю,
 Каждый день на курган я взбираюсь
 И смотрю все туда, где живет
 Мой прекрасный Черкасск...
 — Позовет ли к себе? — брежу я наяву.
 Десять лет я прождал,
 Десять лет я прожду,
 А потом... в том кургане зарожусь
 И светящийся выход с усмешкой взорву...

1929 г.

ПОЭТУ.

В изгнании Казачества — поэт,
 Влачишь и ты в тоске унылой годы
 И... то перо возьмешь, то темный пистолет...
 О смерти думаешь и сеешь снова всходы...
 О смерти думаешь и вновь творишь живую,
 Целительную красоту стиха —
 То плачешь в нем, то песню удалую
 Заводишь старую о воле казака.
 И то звенит в нем смех, то гик царит
 жестокий,
 То стон заглушенный, кощунственный
 вопрос...
 В тоске по Родине, в тоске немой, глубокой
 Пролито нами море горьких слез...
 И, ношу разделив народных бедствий
 тяжелых,
 В терзаньях сам поешь, казак-поэт,
 С разбитым сердцем... То под гнетом
 мыслей вязких
 Перо берешь, то... темный пистолет.

1930 г.

~~~~~
 Всем, поздравившим нас с праздником
 Светлого Христова Воскресения,
 посылаем свое ответное
 Воистину Воскрес!

Готтентотская мораль.

Откровенный голос „неизвестного русского историка.“

В предпоследнем номере нашего журнала мы говорили о том, как понимают русские люди происходящее ныне в сов. России и международный «текущий политический момент», как оценивают они внутреннее и внешнее положение большевицкого царства, как предвидят грядущие события, чего ждут от «своего народа» и от внешнего мира, чего сами хотят и за что будут бороться... Читатели помнят, конечно, пессимистический голос вождя «Крестьянской России» С. Маслова о «голодном вымирании населения областей СССР, которые до этого всегда были самыми хлебными и богатыми», о «физическом вырождении народа» и «об умирании российского государства в духах его подданных», о том, что «умирает великая нация...»,

что «Россия гниет и гибнет. А главное — она слабеет».

Ныне, в апрельском, четвертом номере «Знамени России» — органе партии, возглавляемой г. Масловым, находим «утешение» для г. Маслова и тех русских людей, которые склонны были бы разделять пессимизм Маслова. «Утешение» это исходит от «неизвестного русского историка», а по содержанию своему оно настолько «интересно», что мы считаем необходимым не только познакомить с ним своих читателей, но хотели бы
 суть его вбить в головы всем
 казакам — вольным и, пока еще, не вольным...

Поставив вопрос: «слабеет ли наше государство?» (так озаглавлена и сама статья),

г. «историк» (так подписался ее автор), поделив, согласно с г. Масловым, «население России на две группы: окраинное и центральное, или «ядро русского народа», «оставляет свое внимание на каждой из обеих групп».

Относительно современной характеристики «центрального» населения г. «историк», в общем соглашаясь с г. Масловым, хочет ослабить ее своим «но». Вот его подлинное слово:

«Кажется, можно считать верным, что «преданность своему государству и заботливость о нем исчезают и среди великороссов» в центре России и на ее Севере. Наблюдатели почти единогласно утверждают, что оно готово идти «хоть с чертом» против теперешней власти. (Правда ли это? Ред.). В понятие «черта» в данном случае относятся и любые иностранцы. Для меня, однако, большой вопрос — как к этому «черту» будет относиться население «на другой день» после избавления от большевиков. Будет ли оно продолжать свое братание с ним? Очень сомневаюсь, потому, что долгие и глубокие революции всегда поднимают сознательность народных низов и увеличивают в них чувство своего достоинства и своих прав. Они будят национальное чувство. После больших революций чужое иго сносится труднее, а восстают против него гораздо решительнее. Мне кажется, к своим «иностранцам освободителям» население коренной России отнесется «на другой день» так же, как Украина отнеслась к немцам в 1918 году: встречали со слезами радости, провожали с ненавистью...»

(Господин «историк» забыл привести в данном месте пример более подходящий для данного случая: встречу и проводы «ядром русского народа» Добрармии в 1919—1920 годах).

Нас, конечно, больше занимает голос «неизвестного русского историка» относительно населения «окраин» и этот именно голос мы и хотели бы вбить в головы казаков.

Соглашаясь, что «повидимому, растут политические сепаратизмы на окраинах нашего государства», г. «историк» начинает дальше «утешать» своих соотечественников большим «но» (отсюда и начинается самая «интересная» для нас часть статьи «историка»).

«Но...

Одновременно с этим отрицательным для нашего государства субъективным фактором растут положительные для него объективные обстоятельства. Миру отрицательных настроений и идей противостоит растущий мир положительных вещей. На встречу силам распада поднимаются силы сцепления. Перечисляю их кратко.

На первом месте назову... факт: большевицкая политика ведет к тому, что зара-

женное сепаратизмом или склонное к такой заразе население наших окраин слабеет. Оно уменьшается в числе и слабеет физически. (Подчеркнуто нами. Ред.). К этому ведет хлебозаготовительная политика большевиков, осуждающая население производящих областей на вырождение, вымирание и бегание из своих мест. На эту же чашку явлений большевики кладут и добавочную гиру в виде планомерного выселения из «контрреволюционных» районов их коренного населения (это особенно заметно практикуется на Кубани)... Население потребляющих районов в коренной России живет тоже очень тяжело, но лучше, чем в производящих. (Подчеркнуто нами. Ред.). Просмотрите географию народных движений против большевиков за весь советский период и вы увидите, что они приходятся почти исключительно на богатые хлебом области и районы. Бунтует против большевиков чернозем и плодородный желтозем; суглинок и супесь ведут себя неизмеримо спокойней. В этом различии сказывается много причин, но основной я склонен считать хлебную политику большевиков... А в результате, окраины слабеют (Подчеркнуто нами. Ред.) сравнительно с центром, заволжьем и севером, т. е. местами, которые всегда выносили на себе в нашей истории главную тяжесть государственного строительства и обороны государства от внутренних сил распада и внешних сил нападения.»

«Ослабляются силы распада и тем огромным передвижением населения, которое происходит теперь у нас. (Господин «историк» говорит, конечно, здесь о колонизации «ядром русского народа» земель «окраинных» народов, «ослабленных» большевиками...). Оно перемешивается так, как никогда прежде во всем нашем прошлом. По сообщению на последнем коммунистическом съезде, в 1932 году железные дороги превезли 967 миллионов человек, а в 1928 году только 291 миллион, перед войной перевозилось меньше 200 миллионов. Современное передвижение людских громад в новые места (Что это за новые места и для кого новые? Ред.) само по себе является фактором положительным для государства — оно его связывает и скрепляет, если и не цементом, то гашеной известью?»

«Третий объективный фактор, действующий за наше государственное единство — вооружение. Военная промышленность поставлена большевиками довольно хорошо — бесконечно лучше, чем вся остальная. Технически вооруженные силы СССР стоят гораздо выше, чем те же силы царской России. Это значит, что защитный механизм государства, назначение которого охранять целостность государства и неприкосновенность его границ, теперь сильнее, чем прежде, и справиться с ним силам распада и нападения теперь

труднее. « [Понятно вам все это, братья казаки? Ред.]

»Примем во внимание, наконец, действие современной индустриализации СССР. Она... все таки совершается. Выросли поэтому города. Городского населения в границах СССР было в 1913 г. только 25 миллионов, в 1928 году его было уже 36,5 миллионов. Одновременно увеличилось число рабочих. Только за 4 последних года их число выросло почти на 4,5 милл. человек; за весь подсоветский период рост их надо определить миллионов в 7—8 человек. Увеличился и рост промышленного производства, возникли новые промышленные центры. Все это у всех народов и во все времена вело к большей связанности страны и государства и ослабляло центробежные силы. Таково будет действие промышленного развития, несомненно, и в России. Большевики добавили к этому сцепляющему страну действию индустриализации еще свои водные каналы. Прорыт уже беломорско-балтийский канал (кем? Ред.), идут работы по каналу московско-вожскому, предстоит соединение Волги и Дона, судоходным на большом протяжении сделан Днепр, в результате сооружения огромной плотины для Днепровской электрической станции. Не пройдем вниманием мимо и этих для государственной целостности явлений.»

Кончает свою «статью» г. «историк» так:

»Я не подвожу окончательного баланса силам распада и силам сцепления нашего государства. Признаю наличность первых,

разделяю тревогу в связи с ними, но полагаю, что не надо и преувеличивать и в своей тревоге «пересаливать». В жизни СССР растут не только опасные силы для нашего государства, но и силы благодетельные (Подчеркнуто нами. Ред.) для него... Я считал полезным указать эти положительные и скрепляющие факторы (Подчеркнуто нами. Ред.), чтобы дать политически-мыслящему гражданину России более разнообразный материал для его суждений и заключений, чем верный и высококачественный, но односторонне-подобранный материал в тревожных статьях Маслова.»

— Все это так ясно и понятно, что какие бы ни было комментарии только ослабили бы впечатление от «мыслей» г. «историка».

Неизвестным остается лишь одно: эмигрант-ли или советский гражданин этот самый «неизвестный историк», писано это «утешение» на набережных Сены или на берегах Москвы-реки...

»Неизвестный историк» написал то, о чем многие, если не все, русские эмигранты думают и говорят здесь, то, что делают русские большевики и не большевики там...

— Что скажут по этому поводу «русские казаки» и их вожди — Богаевские и Науменки? Какие выводы они сделают из готтентотской морали «историка», по существу прощающей и оправдывающей больше чем готтентотскую политическую практику красных оккупантов по отношению к казачьему населению там?

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

Зимняя кампания.

Как мы уже говорили, главной целью зимней кампании на Юге в 1919 г. Московское командование ставило уничтожение живой силы Дона. Красное русское командование решило сначала разбить Воронежскую группу Донских войск на левом, северном берегу р. Дона, а потом раздавить и группу, действовавшую против Царицына.

Как свидетельствует исследователь военных действий красных русских армий против Дона, генер. штаба полк. А. И. Егоров, «наибольшие усилия требовались от правого фланга группы Кожевникова, которая должна была охватить левый фланг донцов (Воронежской группы). К 1-ому января 1919 г. группа Кожевникова (20.000 бойцов), наступая со стороны Валук-Купянска, «должна была сосредоточиться в районе станций Митрофановка-Кантемировка». 9-ая красная армия, в свою очередь, должна была, заслонившись от возможных действий донской Царицынской группы, действовать главными силами в направлении на Урюпинскую, охватывая правый фланг Воронежской донской группы войск. Центральная 8-я армия получила задачу небольшого фронтального наступления. 10-я армия сохраняла задачу активной обороны Царицына (Егоров, цитир. работа его, стр. 75-76).

Самовольное оставление части фронта (у Богучара) казаками Верхне-Донского округа чрезвычайно облегчало задачи красных русских армий. Но, несмотря на это, на других фронтах, особенно у Абрамовки и ст. Поворино, казачьи полки нанесли сильные удары по левому флангу 8-й армии и правому флангу и центру 9-й армии (обе эти армии насчитывали свыше 55-ти тысяч солдат), чем расстроили планы и намерения красного командования. Вследствие этого героического сопротивления донских казаков, три русские армии, насчитывавшие свыше 75.000 бойцов, не смогли во время выполнения поставленных этим армиям задач.

Если бы в самом начале 1919 г. была оказана помощь Дону со стороны казаков Кубани и Терека, не подлежит никакому сомнению, что красные армии были бы разгромлены, город Царицын уже тогда перешел бы в казачьи руки, казачьи армии Дона, Кубани и Терека получили бы возможность соединения с Уральским и Оренбургским казачьими войсками, с народами Поволжья, Урала, Сибири и Туркестана, боровшимися за свое освобождение от Московского владычества. Что именно этого соединения противобольшевистских сил в то время больше всего боялась Москва, видно как из распоряжений главного русского командования, за всякую цену стремившегося удержать в своих руках Царицын, так и из основных политических директив Ленина.

Известно, что русские люди после ликвидации противобольшевистских фронтов занялись усиленным собиранием документов, характеризующих войну 1917-1920 г. г., и всесторонним изучением этих материалов. В результате этой многолетней работы собрано и опубликовано в России много весьма ценных данных. Среди множества трудов разной научной ценности, появившихся в России в период 1921-1931 г. г., заслуживает особого внимания уже цитированная нами выше трехтомная коллективная работа — „Гражданская война 1918-1921“, составленная под общей редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского и Р. П. Эйдельмана. В этой работе по разбираемому нами вопросу читаем между прочим следующее:

„В. И. Ленин придавал громадное значение возможно скорой и решительной ликвидации Краснова (Донского казачьего фронта). Еще 21 декабря 1918 г. он телеграфировал Троцкому: „Я очень обеспокоен, не увлеклись ли Вы Украиной в ущерб общестратегической задаче, на которой настаивает Вацетис (большевицкий главнокомандующий) и которая состоит в быстром, решительном и общем наступлении на Краснова, боюсь чрезвычайно, что мы запаздываем с этим“..

Ленин предлагал налечь „на ускорение и доведение до... до конца общего наступления на Краснова“ (т. III, стр. 136). Эту военно-политическую директиву Ленин давал в день взятия Харькова московскими войсками. Он требовал сосредоточения всех большевистских русских сил именно против казачьего Дона. Если при этом принять во внимание, что русского народа (Великороссов) тогда было около 80-ти миллионов, а донских казаков около 1.600.000, если вдуматься в выше приведенные мысли Ленина, можно себе представить ясно, как русские люди боялись в то время армий Донского Войска.

Ленин строил красную единую и неделимую Россию и требовал „быстрого, решительного и общего наступления“ на Казачий Дон, а Деникин строил белую единую и неделимую Россию и, как мы установили выше, всячески мешал объединению Казачества и всеми мерами задерживал подачу помощи Дону со стороны казаков Кубани и Терека.

Как признают выше названные исследователи войны России против Казачества,

„... Прозорливый стратегический гений Ленина, как никто, сознавал все значение Донского фронта и предвидел те трудности, какие должны были встать перед красной армией и советской стратегией... в случае несвоевременной ликвидации Краснова (донского казачьего фронта)“ (Там же, т. III, стр. 136).

Противоказачья в своей основе политика русских людей во главе с ген. Деникиным, слепая, неразумная и временами прямо изменческая политика его казачьих помощников в значительной степени облегчали и упрощали противоказачью политику большевистской России В. Ленина. А политика Союзников в отношении Казачества (отказ казакам в непосредственной выдаче оружия, навязывание казакам Деникина в вожди и т. д.), ставила казаков между двух огней — Россией красной и Россией черной.

Распоряжениями главного московского командования от 4-го и 8-го января было приказано:

„... Разбить (Донскую) Царицынскую группу. Для этого: группе Кожевникова, недостигшей еще по предыдущей директиве намеченного рубежа, продолжать выполнение поставленной задачи (выйти на линию Марковка-Талы с одной дивизией на Луганск); 8-й армии окончательно изменить свое направление на восточное и выйти на рубеж Журавлевка-Казанская; 9-й армии рубеж Бурацкая-Павловская-р. Бузулук с дальнейшим движением вдоль железной дороги Поворино-Царицын, т. е. уже в юго-восточном направлении“ (Егоров, стр. 76).

Это сосредоточение красных армий в общем на Царицынском направлении, как говорит Егоров, „совпало с тем временем, когда уже окончательно определился развал Донской армии, что выразилось в коли-

честве пленных и трофеев, попадавших в руки советских войск, и массовой сдаче в плен или самовольном уходе по домам целых казачьих полков... Таким образом, перед командованием Южным фронтом по существу оставалась задача преследования остатков Донской армии, и 19 января оно отдало соответствующую директиву, направляя центральные армии (8-ю и 9-ю) прямо на юг; группа Кожевникова из района Кантемировка должна была выйти в район Каменская-Миллерово, а 10-я армия двигалась на Калач вдоль железной дороги“ (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 146-141).

Из приведенных данных видно, что и в конце января 1919 г. главной задачей Московских войск было нанесение удара по Донской армии, с каковой целью в это время на Донской территории одновременно действовало 3 русских армии (Кожевникова, 8-я и 9-я), а 10-я армия должна была наступать со стороны Царицына. Как видно из тех же данных, только одной дивизии группы Кожевникова было приказано 9-го января продвинуться в Донецкий бассейн, где она и вошла в боевое соприкосновение с дивизией-корпусом ген. Маймаевского.

9-го же января главное большевистское командование удалило командующего Южным фронтом Славена и на его место назначило Гиттиса. Накануне смены командования была получена директива Главкома с указанием, что „противник (Донские казаки) напрягает все силы, дабы взять Царицын, и необходимо его отстоять“ (Егоров, стр. 77). Директива большевистского главкома 12 января снова напоминала командующему противодонскими русскими войсками о тяжелой обстановке 10-й армии под Царицыном.

Поэтому новый командующий Южным фронтом, Гиттис, 17 января приказал трем армиям ускорить движение на Царицын: группе Кожевникова и 8-й армии — на восток, 9-й армии — на юг по линии железной дороги Поворино-Царицын (там же, стр. 78).

„Накопец“, говорит быв. большевистский руководитель 10-й армии, а потом и командующий Южным фронтом, Егоров, „главное командование, учитывая низкое морально-политическое состояние войск противника (донских), а может быть и начиная сознавать опасность нависания на правом фланге сил белых, меняет направление армий фронта на более южное и 19-го января (по стар. стилю) ставит новый объект действий Южфронта: Новочеркасск-Ростов... и выход на рубеж Донбасс, Ростов, Великокняжеская“ (там же, стр. 78).

Поэтому „Командующий директивой № 1038 от 19 января указывает: группе Кожевникова — занять Лихая-Каменская (1-я и 3-я дивизии были направлены на Миллерово, 4-я на Лихая, Донбасс все еще не привлечен к себе внимания командуюжа, замечает Егоров), 8-й и 9-й армиям — к 24 января выйти на фронт Кошары-Усть-Медведицкая, 10-й наступать вдоль железной дороги“ Царицын—Лихая и Царицын—Великокняжеская. Главной целью всех четырех армий ставилось охват между р. Доном и р. Донцом Донской казачьей армии и уничтожение ее (Егоров, стр. 78-79).

Таким образом, весь декабрь 1918 г. и до конца января 1919 г. все внимание большевистского командования было сосредоточено на желании скорейшего и полного уничтожения Донской казачьей армии. Сами русские люди признают, что для осуществления этой чрезвычайно важной задачи красное командование со второй половины декабря 1918 г. било по Донским войскам четырьмя армиями, насчитывавшими в боевой линии 124.500 штыков и сабель при 2230 пулеметах и 485 орудиях (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 138).

Что в это время происходило на противобольшевистском фронте?

Обратимся к документальным данным.

1-го января 1919 г. 2-я Донская дивизия занимала: 7-й полк г. Луганск, 8-й полк Ровеньки-Штеровку, 5-й и 6-й полки Дебальцево и дивизион Атаманского полка Юзовку, штаб дивизиона в Макеевке. (См. схема 5).

Стоит только взглянуть на карту, найти там выше упомянутые пункты, чтобы стало ясным то важное обстоятельство, что и в начале января 1919 г. Донские

войска не только вели тяжкую и изнурительную борьбу против целых 4-х русских армий, даже по большевизму данным насчитывавшим около 125-ти тысяч штыков и сабель, но своими войсками Донцы прикрывали Донецкий бассейн на большом фронте от г. Луганска до ст. Юзовки.

8-го января 1919 г. Начальник Штаба Донской армии телеграммой просил Начальника Штаба Деникина, ген. Романовского, о занятии станции Дебальцево частями дивизии Май-Маевского ввиду боевой необходимости сосредоточить всю 2-ю Донскую дивизию в районе г. Луганска. Именно в это время правофланговая красная армия Кожевникова, наступая в общем направлении на Миллерово, свою правофланговую дивизию (4-ю) послала в сторону Попасной-Луганска.

В ответ на просьбу командования Донской армии 10-го января Штаб Деникина ответил, что Дебальцево добровольцами занято быть не может, и тогда же, 8-10 января, ген. Деникин сообщал ген. Май-Маевскому, что в его распоряжение перевозятся 1-й офицерский ген. Маркова полк, Корниловский ударный полк и 1-й артиллерийский дивизион.

14-го января, как видно из документов, Донской Штаб сообщил главнокомандующему Деникину о том, что в районе Луганской станицы-Первозвановка и в районе к северу от ст. Дебальцево Донские части ведут упорные бои с противником, и Донской штаб просил срочно оказать помощь добровольцами на ст. Дебальцево. В тот же день Донское командование получило из Симферополя, в Крыму, от командующего Крымско-Азовской армией, ген. Боровского, сообщение, что Дебальцево входит в район действий Донской армии.

15-го января Донской Атаман Краснов телеграфно просил главнокомандующего ген. Деникина срочно перебросить Кубанский отряд ген. Станкевича из района селения Дивного на помощь Донцам к г. Царицыну, который был почти окружен Донскими войсками и находился накануне падения. Как мы уже отмечали выше, главное русское большевизское командование 9-го и 12-го января указывало командующему 4-мя большевизскими армиями, действовавшими против Дона, на крайне тяжелое положение Царицына и требовало срочной помощи осажденному Донским казаками городу. Вследствие этого приказа три русские армии — Кожевникова, 8-я и 9-я — наступали в сторону г. Царицына в тыл и левый фланг Донским войскам ген. Мамонтова, беспощадно бившим 36-ти тысячную 10-ю большевизскую армию в Царицыне. Русские армии, таким образом, в полной мере использовали все преимущества и выгоды единства командования. Так было у русских „красных“.

„Белые“ русские люди всюду проповедывали крайнюю необходимость об'единения вооруженных противобольшевизских сил Юга. В конце концов, генерал Деникин 26 декабря 1918 г. добился этого об'единения. Сам быв. главнокомандующий, ген. Деникин, свидетельствует, что

„в январе (1919 г.) намечена была переброска армии на Царицынское направление, с одновременным наступлением против Астрахани, для захвата стратегически важного пункта Царицына и нижнего плеса Волги и для установления связи с армиями адм. Колчака. Это движение в тесной связи с наступлением на Харьковском и Воронежском направлениях должно было вылиться впоследствии в общее наступление к центру России“ (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, 72)

Известно также, что и генералы Врангель и Юзефович категорически настаивали на движении армий на г. Царицын „на соединение с сибирскими армиями адмир. Колчака, победоносное продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу“, как свидетельствует ген. Врангель (Записки, т. I, стр. 110).

К этому времени кубанцами уже взяты были Георгиевск, Минер. Воды, Св. Крест, Нальчик, Прохладная... Сам ген. Деникин признает, что „к середине января Северо-Кавказский советский фронт уже не существовал, оставались только разрозненные отряды“.

17-го января Штаб Донской армии сообщил ген. Деникину, что Донские войска из Хоперского и Усть-Медведицкого округов „отводятся на линию р. Дона, где будет оказано упорное сопротивление“.

И при всех этих условиях и обстоятельствах ген. Деникин в ответ на просьбу Дона послать Кубанцев на помощь под г. Царицын 17-го января телеграфировал Донскому Атаману, что кубанцы ген. Станкевича не будут посланы под Царицын, что „возможное будет сделано, отдаю распоряжения соответствующих перегруппировок для вывода некоторых частей, но полагаю, что осуществить это удастся лишь по овладении Владикавказом и Моздоком“.

Тогда же:

„17.1.1919 Главкомандующий приказал Дебальцево передать Крымско-Азовской армии, но что обеспечение от Дебальцево на Звереве (линия железной дороги) возлагается всецело на Донскую армию. Романовский“.

Дон просил ген. Деникина, как главнокомандующего Кубанскими и Терскими войсками, о помощи на Царицынском и Воронежском направлениях, но ген. Деникин оставлял исключительно на плечах Донского Войска всю тяжесть защиты именно этих важнейших направлений в то время, хотя и имел полную фактическую возможность оказать северо-кавказскими казачьими полками поддержку Дону, а значит и всему Казачеству. И в результате всего этого, потрясенная натиском 120—130-ти тысячной вооруженной массы русских людей, организованных в большевизские армии, придавленная тяжелым сознанием своего одиночества, надломленная неразумной политикой своих политических верхов, Донская армия с каждым днем уменьшалась в своей моральной и физической силе. В то же время с каждым месяцем возрастали силы русской красной армии. Исследователи роста русской красной армии утверждают, что

„рост численности (красной) армии шел вперед бурным темпом. Если к началу 1919 г. численность армии достигла 800 тысяч, то в течение 1919 г. армия возросла почти каждый месяц на 200 тысяч человек“ (Гражд. война, III, 86).

Большевицкая Россия весьма умело пользовалась разрозненностью казачьих сил, отсутствием единого руководящего казачьего политического и военного центра и гибельным для Казачества сотрудничеством его с русской контр-революцией — „белой“ Россией.

Деникин не имел в своем распоряжении русских войск, которыми бы мог оказать действительную и существенную помощь Дону, а кубанские и Терские войска задерживал на Северном Кавказе. В то же время растянул фронт далеко на запад — до самой Одессы. В это время большевизские войска наступали на Украину с севера. Главные силы красной Москвы 7-го января 1919 г. занимали фронт: Круты—Полтава—Синельниково. Харьковская группа большевиков взяла Кремнечуг—Екатеринослав—Чаплино—Гришино, „обеспечивая свой фланг со стороны Донецкого бассейна“ (Гражд. война, т. III, стр. 146).

Что дала казакам растяжка фронта Вооруженных сил Юга России от Донецкого бассейна до Днепра в начале 1919 г.?

Командующий Крымско-Азовской армией, ген. Боровский, 14-го января т. г. послал Деникину следующую телеграмму:

„Екатеринодар. Главкоуг, копия Новочеркасск Генкварм Дон. Юзовка ген. Май-Маевскому. Симферополь. 2819, 338, 21/1. Сосредоточение районе Славянск — станция Попасная большевизских сил, обнаружено здесь присутствие латышских, китайских частей и советских полков, чрезвычайная активность, проявляемая в этой районе, а также захват советскими войсками Харькова и станции Лозовая, указывают нам возможность крупной операции противника с целью овладения Каменноугольным районом и разобщения Донской и Добровольческой армий. В настоящее время по политическим причинам особенно важно удержа-

ние за собой района, богатого каменным углем, между тем ввиду большой разброски войск ген. Май-Маевского, вызываемой упорством банд, защищающих подступы с юга и востока к станции Чаплино и восстанием населения в тылу его района, а также усложнением боевой задачи производством мобилизации — я не считаю свой правый фланг достаточно сильным, чтобы противостоять серьезно натиску. Остальные части находятся в периоде организации, почему я не имею возможности сократить задачу 3-ей дивизии с целью усиления правого ее фланга. Ввиду изложенного считаю настоятельно необходимым срочное направление с Кубани в район станции Харцызск-Криничная одной дивизии пехоты в мое распоряжение. О Ваших распоряжениях прошу уведомить. № 031. Ген. Боровский.

Этот документ отмечает, что войска ген. Май-Маевского расбросаны, что в тылу добровольческих частей проискростал восстания, что правый фланг — дивизия Май-Маевского, усиленная Марковским и Корниловским полками — не является достаточно сильным, чтобы противостоять серьезно натиску противника и что настоятельно необходимо направить с Кубани в распоряжение ген. Боровского дивизию пехоты.

Прошел уже месяц, как Дон признал единое командование в лице Деникина, а помощи Дону все еще оказано не было. Дон в одиночестве вел неравную борьбу с более чем стотысячными русскими красными армиями. Главное красное командование 1-3 февраля потребовало от командующего южным русским фронтом, Гиттиса, — „чтобы весь главный удар был произведен в Луганском направлении“, что необходимо красные войска собрать в три сильных кулака для сосредоточения их на трех важнейших направлениях: Кантемировка-Ростов, Царицын-Лихая и Царицын-Великокняжеская (Егоров, стр. 79-80).

Исполняя эту общую директиву, Гиттис 1-го февраля приказал: группе Кожевникова и 8-й армии совместно разбить Донцов в районе Миллерово; 9-я армия должна была образовать на своем правом фланге в районе ст. Мозовской ударную группу для поддержки 8-й армии. Начав свое наступление 1-го февраля, красные войска к 4-ому февраля овладели районом станций Красновка-Миллерово-Ольховая.

1-го февраля командующий Крымско-Азовской армией приказал ген. Май-Маевскому помочь Донцам очистить от большевиков район Дебальцево-Ровеньки-Луганск-Яма. Однако, во время проведения в жизнь этой операции с противника-украинского большевицкого фронта на помощь Кожевникову подошла партизанская украинская дивизия Онищенко и захватила станцию Константиновку. Нависание этой дивизии на левом фланге ген. Май-Маевского принудило последнего к отступлению. После этого Кожевников захватил к 10-му февраля Дебальцево-Первозвановку (Гражд. война, т. III, стр. 231).

О состоянии сил Донской казачьей республики в это время красноречиво говорит нижеследующий документ:

„В. Срочно. Оперативная. Екатеринодар. Ген. Деникину.

В упорных встречных боях с 5-го февраля на Миллеровском направлении не только не удалось разбить группу красных не менее трех дивизий, но наоборот, после ночного тяжелого боя с 9-го на 10-е февраля наши части, бывшие до сего времени крепкие духом, потеряли устойчивость. Выдвинутый последний резерв — группа генерала Поставского — под давлением превосходящих сил противника от наступления переходит к обороне и постепенно осаживает. Семилетовский отряд брошен к 9-ому февраля для подкрепления погорявших боеспособность частей Северного фронта и прикрытия станции Лихая с востока. Больше резервов нет и нечем подкрепить нашу группу, прикрывающую Звереву-Лихая с севера. Таким образом создается уже непосред-

ственная угроза этому узлу, с потерей которого совершенно нарушается управление и питание остатков Донской армии, а следовательно, обнажается Новочеркасск. Нужны экстренные меры для подачи резервов в район Звереву-Лихая и закрепления этого узла за нами. О последующем прошу уведомить.

Командарм Сидорин. 10 февраля, № 849/к.

В тот же день ген. Деникин на имя Донского Атамана ответил телеграммой, в которой говорил, что 1) Кавказская армия перебрасывается на Воронежском направлении, 2) дивизия первая (Шкуро) сосредотачивается в районе Дебальцево-Алексеево-Леоново не ранее 14 февраля, 3) посадка второй дивизии начинается 12 февраля и сосредоточение ее где либо на линии Новочеркасск-Миллерово может быть закончено не ранее 22 февраля, 4) на следующие две дивизии надо класть еще 10-12 дней, 5) что мы можем действовать только маневром и 6) что временно Дон сам должен защищаться.

В начале февраля на Царицынский фронт был переброшен 2-й Кубанский конный полк. 11-12 февраля этот полк с большой доблестью вступил в бой с войсками 10-й русской армии у хуторов Чаусова и Подстепного (на левом берегу р. Дона против станицы Есауловской и верстах в 80-90 к юго-западу от Царицына). По этому поводу отмечаем следующую телеграмму Донского атамана ген. Богаевского, посланную Кубанскому атаману ген. Филимонову и в копии ген. Деникину:

„Первые ласточки о братской помощи на ратном поле Кубанцев Донцам принесли радостные вести. Обнаглевший враг, двигавшийся почти безудержно, был встречен 11 и 12 февраля в районе Есауловской могучим ударом славных Кубанцев и отпрянул вспять.

Верю, что кровь братьев Кубанцев, пролитая на Донской земле за общее дело свободы Казачества, явится нерушимым и верным залогом нашего дальнейшего успеха и не забудется никогда Доном. 13 февраля № 925/К. Донской Атаман ген.-лейт. Богаевский“.

13 февраля Донское командование предложило ген. Май-Маевскому совместно, общими силами взять г. Луганск. В это время Донцы занимали Шгеровку—Колпаково—Луганчик—Суходол—Кондрашовку—Ново-Митякинский. У Май-Маевского уже были собраны Корниловский, Марковский, Дроздовский и Самурский пешие и 1 и 2 конные полки (Деникин, т. V, стр. 72). К 12-му февраля к нему же подошли полки 1-й Кубанской дивизии — 2 Хоперский, 2 Лабинский, 2 Партизанский, 2-ая Куб. батарея и 1 гауб. батарея. Однако, того же 13 февраля ген. Май-Маевский телеграммой ответил, что у него нет сил для действий против г. Луганска.

15 февраля ген. Деникин приказал установить между Донской и Крымско-Азовской армиями следующую разграничительную линию: Колпаково—Дмитриевка—Б. Крелкая-Аксайская. Все, что к востоку от этой линии, донцы продолжали защищать исключительно своими силами. Вследствие этого все четыре большевистские армии — Кожевникова, 8-я, 9-я и 10-я — и во второй половине февраля 1919 г. всю силу давили исключительно на казачьи войска.

Дон, как мы знаем, признал единое командование еще 26 декабря 1918 г. Донской Круг удалил непокорного атамана ген. Краснова и избрал на пост Атамана старого добровольца, ген. Богаевского, 4-го февраля Донской Круг в приказе Донской армии утверждал, что на помощь Донцам спешит русская Добровольческая армия. А фактически что было?

15-18 февраля вспыхнули восстания в 13 волостях Таганрогского округа и в Ставропольской губернии. Красные войска начали подходить уже с востока к р. Донец и 17 февраля поспешили перейти эту реку у ст. Екатеринославской, а 24 февраля — у Усть-Белокалитвенской, угрожая захватом столицы Войска Донского.

16-го февраля начальник штаба Деникина, ген. Романовский, сообщил штабу Донской армии, что Кавказская Добровольческая армия, состоявшая из Кубанских и Терских казаков, будет переброшена в район Дебаль-

цево—Чистяково—Александро-Грушевск, но „главнокомандующий (Деникин) категорически запретил до окончания сосредоточения всей Кавказской армии вводить в бой дивизии по частям“. 18-21 февраля срочно перебрасывают Кавказскую дивизию из района Дебальцево в район Шахтная—Александро-Грушевск, „в резерв главнокомандующего“. 21 февраля приказано было разместить 1) в районе Персияновки: 1-ю и 2-ю бригады 1-й Кубанской дивизии (2 и 3 сводно-кубанские полки, 2-й Уманский полк и 2-й Запорожский полк) и 1 4 Куб. батареи; 2) в районе станицы Кривянской: 3-ю бригаду 1-й Кубанской дивизии (2-й Лабинский и 2-й Черноморские полки) с артиллерией, 3) в г. Новочеркасск: Штакор, Гвардейский дивизион, гаубичную батарею 1-й Куб. дивизии и т. д., 4) Авиационный отряд (8 аэропланов) в Персияновке.

26-го февраля ген. Романовский телеграфировал нач. штаба Донской армии, что Кубанский корпус сосредотачивается в районе Александро-Грушевска не для прикрытия фронта, а для крупной стратегической операции, и что Донцы должны прикрыть фронт своими силами, иначе никакого толку не будет.

Вследствие такой политики ген. Деникина Донское Войско только своими силами должно было вести весьма упорные бои против наседающего с трех сторон противника на фронте Колпаково—Луганск (исключительно)—Красновка—Глубокая—Калитвенская и далее вниз по реке Донцу. На этом фронте, как известно, наступало три русских армии — 13-я, 8-я и 9-я. И надо признать, что донские полки с честью вышли из весьма и весьма тяжелого положения. 18-19 февраля Донские войска вели успешные бои у ст. Усть-Быстрианской, потом у ст. Екатерининской и снова в районе Усть-Быстрианской. В этих исторических боях принимали участие даже глубокие старики-казаки и дети. У одной только ст. Усть-Быстрианской была разгромлена 16-я русская стрелковая дивизия, направлявшаяся уже прямо на Новочеркасск, и отброшена за р. Донец. Эгог неуспех своей дивизии большевицкое командование объясняет тем, что 16-я дивизия не была поддержана соседними дивизиями и что она испытывала острый недостаток в патронах (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 230). Поражения, нанесенные Донцами большевицким войскам на переправах через р. Донец, имели очень большое значение в ходе боевых операций на всем южном фронте — большевицкое наступление было остановлено, и красные войска не смогли налетом взять столицу Дона.

Выше мы отметили, что Донское командование предлагало корпусу ген. Май-Маевского общими силами ликвидировать Луганскую группу большевиков (левый фланг армии Кожевникова, потом переименованной в 13-ю армию). Ген. Май-Маевский отказался осуществить эту так необходимую боевую операцию. Поэтому большевицкое командование получило полную возможность постоянно давить во фланг и тыл Донским войскам, занимавшим еще левый берег р. Донца в сторону Миллерово.

В это время главное красное командование категорически требовало от командующего южным противоканачьим фронтом увеличить красные силы в Донецком бассейне и нанести решительный удар противнику. Вследствие этого командующий южным фронтом, Гиттис, „19—23 февраля, усилив группу Кожевникова всей 13-й стрелковой дивизией, сотроточенной на ее левом фланге (из района г. Беловодска), решил нанести удар левым флангом группы Кожевникова и главной массой сил 8-й армии по частям противника (по Донским), расположенным на левом берегу р. Донца — в углу, образуемом этой рекой и железной дорогой Воронеж-Ростов-на Дону. Удар увенчался успехом“ (Гражд. война 1918—1921, т. III, стр. 230).

24 февраля начальник штаба Донской армии послал начальнику штаба ген. Деникина, ген. Романовскому, следующую телеграмму:

„Части Донской армии, особенно северного фронта, вследствие огромной убыли убитыми, ранеными и больными, ослаблены до крайности. Малейший нажим со стороны противника даже небольшим кулачком на фронте от ст. Усть-Быстрианской до ст. Калитвенская может привести к созданию такого положения, которое

вынудит нас огдать приказ об отходе к югу от р. Донец и бросить Зверевский узел, дабы уберечь войска западного фронта. Резерва, которым можно было бы парировать удар противника на участке Северного фронта, нет. Кризис может назреть настолько быстро, что всякое сношение с Вами окажется запоздалым. Ввиду изложенного и по приказанию Командарма, прошу с доклада главнокомандующему уведомить срочно, разрешает ли Главнокомандующий в случае крайности использовать для боя его резерв, сосредотачиваемый ныне в окрестностях и к северу от Новочеркаска. № 1225/К. Кельчевский.“

Несмотря на такую явно грозную ситуацию на фронте, ген. Деникин не позволил отправить на фронт Кубанские полки, собранные в районе Новочеркаска-Александро-Грушевск. Почему?

Большевицкие исследователи действий русских красных армий против Дона зимою 1918—1919 г. приходят к следующим выводам:

1. Действия (большевицких) войск имели своим результатом ухудшение положения фронта, несмотря на занятие обширной территории Донской области.

2. Сама по себе эта территория не давала существенных выгод красному командованию, ибо настроение казачества никоим образом не было сочувственным по отношению к советской власти. Кажущиеся здесь противоречия (бунты в пользу советской власти в некоторых районах, переход частей Донской армии на сторону соввласти и т. д.) объясняются нежеланием казачков продолжать борьбу против большевиков до полного уничтожения советской власти и затем возобновлять войну с Германией...

3. Царицынская группа донцов и часть Воронежской вышли из окружения и отошли за р. Дон, хотя разложение армии было несомненным... Таким образом, сильно погрывав части Донской армии, красное командование не достигло полного ее уничтожения.

4. Значение Донбасса было сознано Южфронтом только к середине и даже к концу февраля. Но и тут мы не видим крутой перемены в развертывании армий, и фронт постепенно, нерешительно переносит свое внимание к западу от Царицына. Эта нерешительность сыграла крупную отрицательную роль и существенно отразилась на всем дальнейшем ходе кампании“ (А. И. Егоров. Разгром Деникина. 1919. Страница 80).

Что дало Казачеству объединение командования над казачьими вооруженными силами в руках русского генерала Деникина?

Получив главное руководство боевыми операциями в свои руки, ген. Деникин и весь его штаб своими действиями в течение января-февраля 1919 г. показали, что они не имели не только продуманного и ясного плана боевых действий, но просто не имели никакого плана и плелись в хвосте событий на фронте. Деникин говорит, что „в январе намечена была переброска армии на Царицынское направление“ (т. V, стр. 72), а почему-то фактически войска перебрасывались в западную часть Донецкого бассейна, хотя, без сомнения, Деникин прекрасно был осведомлен о том, что в январе большевицкие армии главные свои усилия направляли в сторону г. Царицына, дабы не допустить падения этой красной твердыни и не дать возможности объединиться Южному и Восточному противобольшевицким фронтам. Как мы видели, Донской Атаман Краснов просто умолял Деникина помочь донским войскам ген. Маментова взять Царицын именно в январе месяце, но Деникин, как бы помогая красному командованию в осуществлении его главной задачи — удержания г. Царицына в своих руках, — направляет войска в совершенно другую сторону — в Донецкий бассейн. Почему же Деникин не осуществил своего же решения двинуть главную массу войск с Северного Кавказа в сторону Царицына? Почему Деникин не послушал своих же помощников — ген. Врангеля и ген. Юзефовича, которые категорически настаивали тогда именно на выходе на Волгу? Почему Деникин не послушал Донецкого Атамана, настаивавшего на посылке кубанцев под Царицын?

Почему ген. Май-Маевский, имея в своем распоряжении совершенно достаточные силы, отказался помочь Донцам ликвидировать Луганскую группу большевиков

в феврале месяце? Кавказская дивизия ген. Шкуро была переброшена в район Дебальцево. Не успела она там ввязаться в развязку боевых событий на фронте, как ее снова начали перебрасывать в новый район Новочеркасск-Александро-Грушевск. Когда дорог был не только каждый день, а каждый час, когда командующий Донской армией и ее начальник штаба посылали Деникину телеграмму за телеграммой, прося о помощи, когда большевицкие армии с таким большим трудом и весьма медленно поворачивались на Донской Земле с юго-восточного направления (Царицынского) на южное, а потом и на юго-западное и даже на западное (9-я армия), кубанские войска бесцельно мотались по железным и грунтовыми дорогам, не принимая участия в боях на фронте, где решалась доля Казачества. Враг как нельзя лучше воспользовался одиночеством донцов и успел сосредоточить на дуге Юзовка-Луганск-р. Донец до ее впадения в р. Дон три армии (13-ю, 8-ю и 9-ю), а 10-я русская большевицкая армия за это время прошла по направлению железн. дороги Царицын-Великокняжеская-Торговая-Тихорецкая более 200 верст и начала нависать над р. Манычем, угрожая разорвать пути сообщения Северного Кавказа с Доном. К тому же пребывание Деникинцев на Украине — в Таврии и в Екатеринославской губ. — зимою 1919 г. вызвало в населении такое раздражение и ненависть, такое желание ликвидировать Деникинцев, что большевики смогли использовать такое отношение населения к Добрармии и к марту месяцу бросили на фронт Юзовка-Мариуполь более чем 10 тысяч бойцов под руководством известного Махна (Деникин эту группу войск определяет в 20—25 тысяч, см. т. V, стр. 74).

Говорят, что чувство чести, сознание своего долга, умение держать данное слово и исполнять принятые на себя обязательства воспитываются в офицерах и им

присущи в наибольшей степени. Насколько эти весьма ценные качества офицера были свойственны главнокомандующему вооруженными силами Юга России и его штабу, а также Кубанскому Атаману ген. Филимонову и кубанскому военному министру ген. В. Науменко, видно из явного обмана населения Кубани и Казачества вообще, допущенного этими русскими офицерами в вопросе об организации Кубанской армии. Как мы уже говорили, 29 января 1919 г. Кубанское правительство Ф. Сушкова объявило, что через несколько дней Кубань увидит свою армию; 1-го февраля Атаман Филимонов и военный министр ген. Науменко издали приказ: „С этого дня все вооруженные силы, выставляемые Кубанским Краем, объединяются в Кубанскую армию“; ген. Деникин 3-го февраля говорил на Донском Кругу о существовании Кубанской армии, а в результате: прошел месяц тяжелых испытаний для Казачества, Кубанские полки перебрасывались на север, но Кубанская армия не организовывалась и о ее существовании уже и не упоминалось.

Главнокомандующий ген. Деникин, Атаман ген. Филимонов, военный министр ген. Науменко и все их русские единомышленники обманули многострадальную Кубань в момент наивысшего напряжения всех сил кубанских казаков в борьбе против русского большевизма.

Казачество переживало страшные времена: огромная территория Донской земли была уже в руках красных, на фронте Донецкого бассейна, р. Дона и между реками Салом и Манычем скопилось несколько русских красных армий, решивших добить Казачество, а в это время на Казачьей Земле казачьими военными силами руководили русские генералы, обманывавшие казачью массу и губившие казачье освободительное движение.

(Продолжение следует).

Николай Посохов.

„Ничто не ново под луной“.

Нам, казакам, думающим об освобождении и восстановлении нашей казачьей страны и попираемых всех наших прав, небезинтересно и даже необходимо знать, что думают о нас и в какой плоскости решают за нас наш вопрос различные русские группировки здесь и там. Как относятся к казачьему вопросу зарубежные русские партии, много раз уже говорилось на страницах нашего журнала. Лидеры этих группировок, на своих политических кухнях, от правой монархической до левой социалистической, заранее готовят форму государственного управления, которую они бы могли, в случае падения советской власти, преподнести будущей России. Ни для кого не секрет, что почти все политические партии отводят казачеству в будущей единой-неделимой роль служилого, подчиненного сословия.

Там, на родине, русские оккупанты с начала русской революции ясно и определенно поставили разрешение казачьего вопроса, а именно: казачий народ новым социалистическим правительством мыслится как военное сословие и, как таковое, должно быть уничтожено.

Старое русское правительство своими деспотическими методами в течение двухсот с лишним лет обезличило казачий народ, лишая его постепенно его самостоятельности, сводя его все время на степень податного войскового сословия. Новое социалистическое правительство, продолжая прежнюю политику в отношении Казачества, приступило к полному уничтожению казачьего народа, и это насилие над душой и телом казачьей нации тянется уже свыше тринадцати лет.

За эти тринадцать лет в коммунистической правящей партии произошли перемены. Многие из окружения Ленина и его идейных сподвижников и последователей разочаровались и ушли (или их „ушли“) загра-

ницу... Один из них, С. Дмитриевский, 11 лет работавший как партиз в коммунистической партии, уйдя за границу, выпустил интересную в своем роде книгу „Судьба России“ (Письма к друзьям). Автор, идейный коммунист, адресует свои письма к оставшимся в Советской России друзьям, призывая их к борьбе с советской деспотией во имя освобождения и примирения народов и классов России и мира народам мира. Автор себя и подобных ему невозвращенцев причисляет к 3-й эмиграции. Так как не все имеют возможность прочесть эту книгу, то я постараюсь привести здесь из нее выписки, могущие заинтересовать и нас, казаков.

„По ряду признаков, мы, приходящие отсюда сейчас, можем быть названы третьей эмиграцией. Мы новый слой эмиграции, отличный от первой, уже исчезнувшей как общественное явление, — эмиграции царского строя и от второй, наших непосредственных предшественников. Они, наши предшественники, с начала до конца, под теми или иными знаменами боролись против коммунистической революции (часть боролись против революции вообще). Мы плоть от плоти, кровь от крови этой революции. Большую часть десятилетия борьбы мы прошли под ее знаменами с разными может быть верованиями и упованиями, но все таки мы и они были солдатами единой армии“ (письмо третье).

Всюду, где автор касается личности Ленина, как вождя и человека, он оправдывает его. Так в письме пятом читаем: „Трудно стало, когда окончилась гражданская война и началось мирное строительство, и особенно трудно, когда умер Ленин: мы видели в нем не только революционно-национального вождя — мы пришли к выводу, что советская власть не только власть, защищавшая на известном отрезке времени, в силу определенного стечения обстоятельств, — русские национальные интересы — сохранившая единство большей части России и т. д. и т. д., но что она вообще на-

циональная власть, вышедшая из потребностей народной жизни в данный момент, сделанная и переданная народом по его образу и подобию (разбивка моя. Н. П.). — Видимо, автор имеет общие точки соприкосновения со всеми русскими политическими течениями, строящими так или иначе единую неделимую за счет других народов бывшей России. Это — общий лейт-мотив удержания „единства“, хотя бы это единство достигалось и против воли других наций, не „исторических народов“, и стоило бы рек крови и слез и нечеловеческих страданий этих народов...

Будучи сам великороссом и живя и работая в народной массе, автор хорошо знает психологию русского (великорусского) народа и правдиво изображает его, обосновывая все свои выводы логикой истории, приведенной постепенно к осуществлению настоящего строя. Принимая во внимание наличие анархического элемента в русском народе с самого его основания и зарождения первой княжеской власти, выразившегося в формулировке приглашения Варягов („Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет, придите княжить и володеть нами“), принимая во внимание и другие факторы, можно притянуть к заключению, что современная советская власть есть историческое следствие, подготовленное всем прошлым.

В письме втором читаем: „У нас лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось выступать. Свободное слово у нас почиталось за дерзость, самобытность за крамолу“.

Характеризуя русский народ и одновременно ища общих точек соприкосновения второй и третьей эмиграции, автор пишет в письме пятом: „Да, и мы и вы ошибались. Вы ошибались насчет случайностей и несоответствия процессов нашего развития нашему духу. Мы ошиблись в том, что историческое уродство мы приняли за историческую правду; азиатскую Русь с ее темным прошлым за будущую полнинную Россию. Мы подходили к одной и той же вещи с разных точек зрения азиатских деспотов и рабов“.

В письме восьмом находим характеристику русского народа: „Все рабы, рабы — замечает по поводу писем Иоанна Грозного историк“ — и никого больше, кроме рабов. Там же читаем: „Эти слова в отношении населения России можно повторить и через сто и через триста лет. Жалкая нация, нация рабов... Сверху до низу все рабы, бросает во второй половине XIX века Чернышевский; историческая форма русского народного протеста, это бегство; у нас, по меткому определению Ключевского, русский народ рассматривает себя в государстве не то на положении слуги, не то на положении квартиранта. Он недоволен хозяином, ему тяжело, он уходит, меняет квартиру. На Дон, к Черному морю, на Урал, в Сибирь бегут в первое время царского самовластия русские люди. Образуют там вольное казачество.“ — Над этой выдержкой мы, казаки, должны поставить ряд вопросительных знаков.

Автор, видимо, осведомлен о казачестве по тем казенным книгам-учебникам, которые в свое время допускались русской цензурой. Не мешало бы автору ближе узнать казачью историю от самих казаков, а не повторять казенную русскую неправду о казачьем народе, о существовании независимых свободных республик которого задолго до нашествия татар говорят и сами русские историки... А ведь царское самовластие нача-

лось гораздо позже, да и закрепощение крестьян произошло только в царствование Бориса Годунова. Правда, в силу своей независимости, и права убежища политических беглецов, вольные казаки республики принимали всех, убогавших к ним из России, но не эти беглецы составили казачество.*)

В том же письме читаем: „Но когда во время великой смуты, это казачество становится на время одной из решающих сил, то показывает, что не стремления к свободе, ни навык к ней, которые, казалось бы, должны сложиться в свободной степной жизни, не выработали в них никаких политических, ясно осознанных, могущих перестроить московский строй, традиций. Никто, как Донской казачий атаман, решает в пользу избрания династии Романовых, тесно связанной с предыдущей, неизменно идущей по пути старых самодержавцев“. Здесь автору опять можно поставить в вину незнание правдивой казачьей истории. Казачий атаман и казаки его, сыгравшие роль в русской смуте начала XVII века, действовали на стороне русской боярской партии, поддерживавшей дом Романовых, как войско союзно-наемное, войско добытчиков — не больше. Казаки, ревниво охранявшие свою независимость и свободу, были далеки от мысли слишком далеко вмешиваться во внутренние дела Московии.

И в настоящее время мы имеем некоторых „вождей“, которые готовы повторить за счет казачьих голов события смутного времени 1613 г. для восстановления единой неделимой, чтобы поставить себя в комическое положение, подобно тому человеку, о котором пишет автор в своей книге, а именно: „пьяный рабочий бьет свою жену; дело происходит на улице; она окровавленная падает; сердобольный прохожий наклоняется над ней, желая помочь ей, но она вскакивает и набрасывается на него со словами: „А тебе чего надо? Мой муж и, значит, имеет право бить меня“.

В недалеком прошлом казаки, по воле некоторых „вождей“, обласканных, белой реакцией, уже раз были в таком комическом положении сочувствующего прохожего, попытавшись вместе с Добармией освободить русский народ от советской власти, и за это поплатились изгнанием со своей исторической территории силой того же русского народа, защитившего советскую власть, потому что эта власть была его народная власть, а казаки делали не свое дело, а чужое.

*) От ред. Странные эти люди — вольные казаки из „русских беглецов“! Бежали на Дон, на Терек, на Днепр, на Яик, но... дальше ни шагу! Отсюда их уже гнали, выдавливали, а они — „бегуны“ — зубами и руками держались за свою землю, боролись, бились, умирали, но не уходили... А когда все таки вынуждены были уходить со своих мест, то потом только о том и думали, как бы вернуться вновь в места Старой Сичи, на Дон, на Терек, на Яик... Как и сейчас. — Но еще никто никогда не слышал, чтобы „русские беглецы“ хотели вернуться с Дона, с Кубани, с Терека и Яика в Россию, туда, откуда „прибежали“. — Странные эти „беглецы“, образовавшие, по свидетельству русских людей, вольное казачество. Что-то здесь не так!

Вот и недавно мы, казаки, видели на своих Землях русских беглецов, но никакими казаками они не стали. А сейчас тоже переселяются к нам тамбовские и воронежские, но, опять таки, казаками они не станут... И на казачьей земле долго не удержатся...

В Париже с рядом докладов выступает сейчас бежавшая в прошлом году из Сов. России г-жа Чернавина. Некоторые ее сообщения имеют несомненно общий интерес, а некоторые касаются и наших Краев. Вот наиболее интересное из сообщений „жены вредителя“:

На вопрос: прочна ли советская власть? — г. Ч. ответила: „Прочна советская власть! Только внешняя катастрофа может ее свалить“. (См. „Возрождение“ от 17 апреля).

„Самое страшное для советской власти — это война“ („П. Н.“ от 19 апреля).

На вопрос: „Ведется ли переселение на юг и в казачьи области?“ г. Ч. ответила: „Больше всего восстаний было на сев. Кавказе, самое беспокойное население на Украине. Целые местности там выселены, туда вселяются новые люди с севера“...

— Выводы из всего совершенно ясные.

В письме десятом автор пишет: „В основу революционного мышления нашей страны лег тот же деспотизм с той же азиатской сущностью, несколько подкрашенной в европейские цвета... Было замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть нечто из его характера, но в обратном смысле... Коммунизм — это русское самодержавие на выворот.“

В письме тридцатом находим показательную характеристику того, как относится русский народ к советской власти и к тем, кто хотел бы ее заменить: „Народ ненавидит власть, но она все таки своя, русская, хотя бы наверху и сидели инородцы. И он, русский народ, не считает служащими его делу тех людей белого русского движения, которые во время конфликта с Китаем пошли защищать русские интересы, но стали в ряды китайских войск...“

Не мешает всем „русским казакам“, собирающимся восстанавливать единую неделимую, глубоко задуматься над такими выводами русского человека и решить ясно и определенно, что лучше и разумнее: освободить ли русский народ от его теперешней народной власти и заменить ее какой либо иной против его желания, или же предоставить русским решать их собственные дела самим, а казакам заняться восстановлением и укреплением своего собственного казачьего дома и станичной колокольни, разрушенным руками тех же русских, и постараться употребить все национальные казачьи силы на то, чтобы оградить восстановленный курень от всякого посягательства и вмешательства своих соседей на будущее время.

В письме тридцать шестом находим объяснения неуспеха и провала белого русского движения: „В гражданскую войну крестьянин воевать не хотел. Мобилизованный, он уходил и из белых и из красных армий. Но потом опять стал вопрос о земле, которую крестьянин уже взял и считал все это решенным и конченным. Белое движение не умело, да и не могло решить земельный вопрос немедленно коренным образом в пользу крестьян. Тем самым восстановило против себя деревню и в первую очередь ее зажиточные слои, которые начали уже что-то получать от новой земли. Кулаки, вот кто в первую очередь дал победу красным, как зажиточное крестьянство в свое время дало победу французской революции...“

И, наконец, в письме тридцать восьмом находим указания на то, что новые правители России, уничтожая казаков, все же не изменили старого императорского взгляда на них, как на полицейскую силу: „Еще задолго до последней китайской экспедиции, когда в Харбине получили первые неприятности с дорогой, Сталин в политбюро произнес слова: „послать казаков... проучить!..“ Слова, которые не прочь был произнести в свое время любой русский царь.“

Общее впечатление от всей книги для нас, казаков, можно с полным правом формулировать так, что судьба России не есть и не должна быть судьбой Казаккии.

У казаков должен остаться один выход: „Пригребай к своему берегу“, чтобы опять не оказатся на чужом поводку. Конечно, „русские казаки“ с этим выводом не согласятся, ибо они все свои упования возложили на русских „столпов“ и себя обрекли на удобрение чужой земли и этого не скрывают.

Как на доказательство своих последних слов, сошлюсь на фразу из случайно попавшего мне письма молодого кубанского офицера уже заграничной формации: „А я окончательно записываюсь в ряды святой серой скотинки, оставляю старым русским столпам бытия заниматься моею судьбой — они меня загнали сюда, пущайна, халы, и вытаскивают, а не хотят, наплевать, будем чистить сапоги и картошку...“ Прав поэт, говоря про подобных: „Рожденный ползать, летать не может“. К счастью, в Казачестве такие случаи редки и являются они следствием векового процесса расказачивания вышеуказанными русскими „столпами бытия“. Да не послужит другим казакам, носителям старых казачьих рыцарских традиций, такие отрицательные примеры выродившихся казаков примером, достойным подражания.

На основании выводов автора и его обрисовки и характеристики русского народа, а также принимая во внимание характер и особенность русской интеллигенции, большая часть которой находится за границей, особенность которую так удачно подметил и выразил французский посол Палеолог в своем дневнике „Царская Россия в период великой войны“, говоря, что там где соберутся трое русских, сейчас же образуются четыре партии, — мне хочется сделать прогноз — что может быть в будущей России на второй день после падения советской власти.

Мы знаем, что русские партии здесь — не прерывают своей работы, создавая в кабинетах на бумаге единую неделимую. Там политическая мысль придушена, но она не замедлит проявить себя, едва только оковы террора падут. Представим, что сов. власть пала. На другой день все лидеры русских партий и группировок (плюс к ним пробудившиеся придушенные до сих пор русские черномезные партии) начнут строить единую неделимую, каждый по своему, если им позволит обстановка. И не трудно представить, что русский народ, которому так свойственны и присущи начала анархии, вступит на свой исторический путь анархии и борьбы партий, с чего он в 862 году начал свою историю и которую он повторил в 1613 г..

Попутно с этим не мешает задать всем казакам, а особенно русского толка, вопрос: стоит ли нам, казакам, вмешиваться в русскую кашу или же предоставить им самим ее расхлебывать, а нам самим стать тоже на свой исторический путь — путь права и порядка и самостоятельного государственного и экономического строительства... Думаю, каждый благоразумный казак предпочтет тушить пожар в своей хате, а не побежит спасать хату соседа в то время, когда горит его собственная, а сосед сам для тушения пожара в своей хате почти ничего не делает.

ДУМЫ И МЫСЛИ.

Зах. Кондрашов. (Франция).

Думы.

Картины природы мне здесь надоели:
Все горы и скалы, все сосны и ели...
Мне б видеть хотелось другие картины;
Степи привольные, нивы родные...
Хотелось бы выйти в широкое поле
И там одному, на просторе, на воле,
Слушать зеленой травы колыханье,
Слушать и Божьих птиц щебетанье.
На траву я лег бы, припал бы я к ней,
Я слушал бы говор родимых степей...
А степь бы гудела, и слушал бы я
Полные гордости, силы слова:
„Ты истый и верный сын Дона седого,
Ты сын беспредельного края степного,
Ты сын тех курганов, что цепью легли

По всей по равнине родимой земли.
Будь же ты верен заветам отцовским,
Следуй всегда ты примерам дедовским, —
Дон тогда будет свободным и сильным,
Дон тогда будет богатым, обильным...“
И вольные б птицы там в небе летали,
Их щебет, их говор ко мне б долетали...
Многое б понял, достигнул бы я,
Чем будет гордиться родная страна...
Я б слышал, что птицы вверх щебетали,
Как наши герои за Дон умирали,
Как с русскими силами бились они
За честь, за свободу родимой страны...

С земли я поднялся, кругом посмотрел...
Все те же картины опять я узрел:
Все сосны и ели, все скалы и горы...
Вот все, что здесь видят всегда мои взоры.

Під Великдень на чужині.

... У цей празник світлий згадаймо про свій степ, і ниви, і станиці наші рідні, тепер покинуті, в неволі...

Згадаймо тут про Дон сідий та про Черкаськ-столицю, молити Бога будемо ми тут, щоб повернув Він нас в свої станиці...

Під цей Великий День згадаймо тут, на чужині, ми про Кубань широку жовтоводу, та про сади козачі, про степи й млини, про церквкв в станицях білі... І про собор козачий Військовий не забудьмо в столиці нашої на Кубані... Там і Штаб козачий був колись... Був Отаман і паради... На Великдень у церквках дзвонили дзвони днів по три... Згадаймо й газирі свої, кінжали та шашки дідів... І тих дівчат згадаймо, сестер і милих наших, що цвіли колись, як мак, по степах безкраїх...

Не забудьмо і про Терек, що доббає скелі й гори — хоче вирваться на волю — він козаку має вдачу... Живий Терек і швидкий — як і справжній він козакоюк... Дай же, Боже, йому волю, а козакам всім пошли Ти долю.

Дай же долю, пошли волю... Всім козаченькам додому вкажи справний шлях-дорогу...

Павло Дмитренко.

7-IV-1934. Сливен.

Наша дорога.

Приближається долгожданний час расплаты с поработителями нашего Края, час освобождения родных очагов от власти оккупантов, и нет такого казака, у которого бы не сжалось сердце при одной только мысли о возможности опять стать на родную землю, увидеть родной дом, обнять и прижать к груди отца, мать, жену, сестер и братьев. Эта любовь к близким и эта сердечная боль так сильны, что многие из нас мало задумываются над вопросом, как идти туда и что надо первоначально сделать здесь, чтобы приход на родную землю и свидание с близкими не были мимолетными, подобно Кубанскому десанту из Крыма. А над этим надо подумать, надо выработать такой план действий, чтобы не повторять старых ошибок.

Наш Край, обильно политый дедовской и нашей кровью, поработен и горит в огне. Каждый день наших близких расстреливают, сажают в тюрьмы, высылают на далекий Север, где они, голые, босые и голодные, выполняют непосильные работы и подвергаются зверским издевательствам. За какую же вину переносят они эти мучения? — За то, что они — казаки, что родились в свободном Краю... И кто же делает все эти зверства? — Русские!

Теперь принято все взваливать на коммунистов. Все зло, мол, — от них; а вот если бы управляли другие, то ничего подобного не было бы... Посмотрим, так ли это.

Прежде всего, кто эти коммунисты? Откуда они пришли в наш Край? Что им там нужно?... Теперь уже ни для кого не секрет, что коммунисты в подавляющем большинстве — русские люди, поставившие себе целью заставить всех жить по казарменному образцу, без проявления своей воли, своих желаний, своей мысли, т. е. человека с свободной волей превратить в раба, в машину. Пока они утверждали свою власть у себя, в России, все шло гладко, почти без единого выстрела. Даже разгон Учредительного Собрания произошел без всяких инцидентов. Но вот когда коснулось дело окраин — Украины, Казачьих Краев, Сибири, — то началась война. Почему это так? Да потому что русский человек испокон веков был рабом у барина. Прошло всего лишь 70 лет, как русский мужик получил относительную свободу. Естественно, что за этот короткий срок он не научился ценить ее, а тем паче защищать ее. Соблазненный безнаказанностью за грабежи, он охотно пошел за коммунистами, численно увеличил их партию, без всякого ропота, как вол, впрягая в ярмо соввласти и положением своим доволен до сих пор, ибо не протестует... Привычка вторая натура. Привык русский мужик к рабству. Если и бываю недвольные, то их утихомиривают маленькими подачками или дают им

пограбить недограбленное казачье добро, — вот они и успокаиваются.

Другое дело было в Казачьих Краях и на Украине. Как искони русский мужик привык к рабству, так искони здесь привыкли к свободе, а потому не поддались на заманчивые лозунги коммунистов и с оружием в руках встали на защиту своих прав, традиций и своего имущества. Невзирая на 200-летнюю власть Москвы над казаками и украинцами, в толще народной продолжала жить любовь к свободе, скрытая ненависть к поработителям и мечта о восстановлении независимости.

В 17 году Казаки и Украинцы хотели установить взаимоотношения с Москвою на федеративных началах, но русское правительство — сначала демократическое, а потом большевицкое, — боясь потерять такой богатый край, а главное — побережье Черного моря, — ни на какие соглашения не шло. Захватив власть, большевики двинулись на покорение свободных краев. Началась война со всеми ее ужасами: вырезыванием погон на плечах и крестов на груди, выкальванием глаз и т. д.

Спрашивается, кто это делал. Комиссар, коммунист? Нет! Делал это рядовой русский мужик. Почему? Да потому, что этот раб не мог понять, какой такой свободы хотяг казаки. Злоба, слепая рабская злоба...

Пусть это делали красные, но чем же лучше делали белые генералы, убежавшие, спасая свою шкуру, от своего же русского народа, от своих же русских солдат, и то особое совещание, которое было при Деникине? При соединении Кубанской и Добровольческой армий в 18 году был подписан акт о признании Куб. Краевой Рады и Куб. Краев. Правит. Верховной государственной властью в Крае, а в 19 году был убит Рябовол, учинен разгром Рады и повешен Кулабухов... И все это кем сделано и во имя чего? Во имя Единой и Неделимой России, во имя сбережения для России наших богатых краев и побережья Черного моря. Подумайте теперь сами и решите по справедливости, чем же разнятся действия красных москалей от действий белых москалей...

После всего пережитого и переживаемого Казачеством пора бы, кажется, нам понять (та мы уже поняли), что с русскими, независимо от их окраски, у нас ничего общего нет, что они нам далеко не братья. Пора бы понять, что нашей политикой должна быть политика чисто казачья, а не общерусская. Об этом так много писалось, что мне остается только сказать: неужели надо быть убитым или повешенным, чтобы признали эту истину? Так есть уже убитые и повешенные... Верьте же, верьте! Ибо другой истины быть не может!

К великому нашему горю, не все еще казаки поняли это, а потому мы и раздроблены, потому и не составляем целого казачьего тела. Причины раздробленности две: многие казаки, по недостаточности знания своей казачьей истории и своих прежних прав, не решаются примкнуть к самостоятельному течению, а верхи — Атаманы и некоторые генералы — определенно тянут к москалям, боясь потерять свои привилегии.

Казаки! Вдумайтесь в историю нашего прошлого, взгляните на наше настоящее: таким ли оно должно быть, и не от нас ли зависит исправить его? Как видите, все наше зло казачье в прошлом исходило от ненавистной алчности русских царей, а в настоящем — от красных и белых москалей. Казачий Край густо орошен кровью лучших своих сынов: Дорощенка, Мазепы, Полуботко, Пугачева, Разина, Булавина, Каледина, Назарова, Караулова, Рябовола и Кулабухова, плюс десятки тысяч „неизвестных казаков“...

Невзирая на эти жертвы, невзирая на ужасное положение, в котором мы очутились, благодаря слепой политике наших верхов, среди казачества, как и раньше, находятся предатели казачьего дела, зовущие нас к жертвенному подвигу во имя спасения... матушки России.

П. И. Курганский однажды сказал (см. „К. К.“, февраль 1931 г.): „Д ля подлинного казака н ужно иметь не только казачий паспорт, но и казачью идеологию“. Святая и великая истина! Тарас Бульба убил Андрея за измену казачьей идеологии. Кошевой атаман Иван Вишневецкий, прозванный Байдюю, будучи в турецком плену, отверг почет-

ное и заманчивое предложение турецкого султана жеманиться на его дочери и умер на железном крюку. Гонта убил своих сыновей за то, что они воспитались чуждыми казачьей идеологии.

Когда было так, сильно было Казачество. Теперь этого нет. Теперь Атаманы открыто говорят, что мы сыны Единой Неделимой России и вне ее не должны мыслить себя; комкоры и начдивы зорко следят, чтобы в части не проникло свободное вольно-казачье слово, чтобы казаки не заразились самостоятельным духом, а на заразившегося обрушиваются все египетские казни. Ген. Шкуро, почуввав приближение бури боевой, учитывая душевную боль казаков по Краю Родном, надеясь, что под давлением этой боли казаки пойдут за тем, кто первый протрубит поход, с благословения Атаманов, а может быть и ген. Миллера, отправился по казачьим станицам, призывая всех довериться Атаманам и идти за ними...

Но на их беду, а на наше счастье, самостоятельная идея широко уже распространилась среди казачества, а особенно студентов-казаков. Ген. Шкуро, призывая всех идти на защиту родного Края, воскликнул: „Умрем же за „неньку“ Кубань! Я не зову вас спасать Россию... а зову спасти оскверненный дедовым духом. Вы, молодежь (обращаясь к студ. Мерзлякину), станьте впереди и ведите нас!“ Через несколько дней студенты-казаки устроили заседание с участием ген. Шкуро и предложили ему подписать документ-воззвание к казакам всех казачьих Войск, где говорилось, что он, ген. Шкуро, призывает на борьбу с врагами нашего Казачьего Отечества и со всеми теми, кто этого не хочет или против этого работает и т. д., — одним словом, пригласили подписать то, что он говорил сам в Новом Саду и др. станицах. Ген. Шкуро подписать отказался и этим самым подтвердил, что все сказанное им при обзезде станиц говорилось на ветер. Я думаю, что если бы студенты еще наседали на него, то он бы с улыбочкой сказал: „Да что вы, господа! Ведь я все это говорил шутки ради!“ А такие шутки г. г. генералов лично мне стоят правого глаза и 4-х ранений и это еще дешево, ибо другим многим это стоило голов... У ген. Шкуро — казачий паспорт, но идеология — не казачья. Цель ген. Шкуро и присных — вести казаков по московской дороге и от будующих московских владык получить награды, а о казаках они забыли... Так по дороге ли нам с ними? Не время ли, пока не поздно, вырвать сорную траву вон и избрать из своей среды руководителей хоть не столь известных, но более преданных казачьему делу? Все желающие счастья Родному Краю и свободы казачеству всякий лишний франк должны отдавать на Вольно-казачий с'езд, чтобы как можно скорее осуществить его, а на с'езде выбрать Кошевого Атамана и только ему одному подчиняться. Таким образом мы избавимся от сорной травы и будем уверены, что среди нас уже нет предателей. С этим надо спешить, т. к. события назревают. Кто почувствует себя казаком, примкнет к нам, а кто с казачьим паспортом, но без идеологии, — то такие только служили бы помехой в нашем деле. Если им желательно выслуживаться перед москалями, пусть идут к ним. Мы же создадим свой прочный самостоятельный кулак и будем надеяться, что постепенно и другие к нам примкнут. Теперь уже не время слов, а время дела.

Филимоновцы и Кирилловцы надеются, что правительство вновь восстановленной России вознаградит Казачество за понесенные труды и пролитую кровь. Святая простота! Напрасные мечты! Детские надежды! Если казаки теперь же самостоятельно не используют приближающегося выгодного момента для восстановления своих погранных прав, то в будущем от Казачества останется одно воспоминание.

Так дружнее же за работу по организации нашего волюнказачьего с'езда и выбора своих самостоятельных руководителей, верных своему казачьему делу, готовых бороться и защищать интересы только Казачьего Края, как самостоятельного государства. До москалей же нам нет никакого дела — слишком много они залили нам за шкуру сала, чтобы брататься с ними.

Казаки! Очнитесь от московского дурману, вспомните заветы дедов и отцов, с твердой верой в правоту дела везде и всюду и всякими средствами защищайте от красного и белого москаля свой Казачий Край а, с Божьей помощью в будущем, — казачью державу Казаклю.

Не дадим повода говорить о себе: „Славних дідів — правнуки погані“. Наш путь один: широкая казачья дорога. Это должен каждый казак помнить. Если скажут вам: „а как же Атаманы? Ведь вы же их выбрали“, то ответим словами П. И. Курганского (См. отв. Фендрикову, „Кав. Каз.“, февраль 31 г.): „Бывают затмения, было оно и с нами при выборе их“, но двенадцатилетняя их работа показала, что лучше об этом не вспоминать. Если же хоть один из Атаманов скажет громко на весь мир:

„Я за поле исконное наше,
За казачий я Край их веду —
Иль добуду я с ними Казачью Державу,
Иль в неравном бою я умру!“ —

перед таким Атаманом мы все снимем шапки...

Ал. Шевченко.

Франция.

Переключка.

Глубокоуважаемый г. Редактор! Просим Вас поместить на страницах уважаемого журнала „ВК“ наш ответ на призыв станичника нашего, сотника Вишницкого, напечатанный в № 146-147.

Уважаемый станичник Иван Григорьевич!

На ваше обращение к нам, станичникам Брюховчанам, отвечаем Вам в нескольких словах. Прежде всего подаем Вам свое казачье „Чуем!“ Чуем, ибо истосковалась и измучилась казачья душа в изгнании, истосковалась по родной Земле и утерянной воле. Всякое доброе казачье слово подкрепляет дух и поддерживает надломленную волю, пробуждая надежду и желание бороться...

Все мы глубоко чтим память нашего дорогого станичника, героя-казака К. Л. Бардижа и других казачьих героев, которые стойко защищали Казачество, умирали за его честь и свободу и своею доблестной смертью показали нам, как нужно любить родное Казачество, дорожить им и бороться за него.

Врагов у Казачества много, но они не будут нам страшны, если все казаки сплотятся во имя защиты своих, казачьих, интересов, если все казаки станут на единственный чисто казачий путь — путь Вольного Казачества. Кто еще не знает этого пути, пусть ознакомится с нашим казачьим журналом „ВК“ — там каждый найдет свою прямую казачью дорогу. Хоть тернист и труден этот путь, но он правилен. Нужно только смело и бодро шагать по нем, вырывая колючие кусты и разгоняя „волков“ в шкуре овечьей...

Гей, ти, козаче!
Бери ніж —
Де побачиш воріженька,
Там і ріж!

Станичники! Становитесь смело в волюнказачьи ряды! —

Нам поможе
Святий Юрій
Козакам на славу
Братів визволяти...

Александр Дейнега, Роман Рыбалка, Алексей Настич, Иван Носак.

12. IV. 1934.

Jugoslavija. Smederevo, Državna radionica.

Наконец-то нас заметили!

В мартовском, 2—3, номере „Slovanského Přehledu“ („Славянское Обозрение“), ежемесячнике, выходящем в Праге (XXVI год издания!), в отделе рецензий помещен следующий отзыв о нашем журнале:

„С конца 1927 года выходит у нас этот эмигрантский орган („Вольное Казачество“), целью которого является ни больше, ни меньше как образование „Казакки“ (кавычки автора отзыва. Ред.) на территории нынешнего СССР между Черным, Каспийским и Аральским морями, как это представляет карта на обложке каждого номера, и подробно формулирует проект конституции для этого будущего „Союзного Государства“ (кавычки автора рецензии. Ред.), опубликованный в номерах 96—99 в начале 1932 года. Кроме того, помещают в журнале находящиеся в рассеянии казаки свои военные воспоминания, рассказы и стихи (уже несколько проекгов гимна нового государства!), печатаются известия организационные и ведутся отчеты о жизни в родных Краях по советской прессе и по получаемым оттуда письмам. Несмотря на двуязыковое название журнала, украинские тексты в нем весьма редки, зато помещено уже несколько пропагандных передовиц на разных не славянских языках“. — Подписана рецензия „Ant.“

— Так пишет пражский славянский журнал о „ВК“ на седьмом году его издания.

Если журнал, претендующий быть в славянским, для органа ВК движения нашел за семь лет всего лишь несколько потуг к „иронии“, то мы, с своей стороны, чтобы не углублять славянской „солидарности“ в настоящий момент, лучше помолчим относительно самого „S. P.“

А между тем, как мало надо было, чтобы не вызывать у вольных казаков горечи в адрес некоторых всеславянских деятелей: всего лишь — немножечко добросовестности!

Не будем вступать в пререкания с автором рецензии на тему о том, много или мало мы печатаем в своем журнале на украинском языке, — мы имеем свои собственные цели и задачи и идем к ним так, как умеем... Но вот относительно передовых на не славянских языках сказать несколько слов хотим. Прежде всего, автор отзыва (рецензии) забыл сообщить славянскому миру через славянский журнал, что мы, раньше, чем печатать свою пропагандную передовую статью на не славянских языках, напечатали ее сначала на всех славянских, начиная языком чешским. Далее: автор очевидно забыл, как много чехи и словаки, борясь в свое время за свое освобождение и за образование самостоятельного Чехословацкого (славянского) государства, печатали пропагандного материала на не славянских языках! А сейчас, уже имея свою самостоятельную республику, разве этого не делают?

Не будем ничего говорить о территории нынешнего СССР и о восклицательном знаке автора рецензии после „гимна нового государства“. Напомним только, что недавно еще противники чешского освободительного движения нынешнюю территорию Чехословакии считали территорией Австро-Венгрии (этим нисколько не остановили неизбежного), а чешские патриоты пели чешский гимн гораздо раньше, чем добились самостоятельной Чехословацкой республики.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от М. Борисова (из Болгарии) 10 кч.; от И. Зотова (из Франции) 77 кч.

В Белграде к казначею Округа поступило: от К. А. Карнаухова 60 дин., И. Т. Карнаухова 60 дин., Г. Иващенко 20 дин.

ВК во ФРАНЦИИ.

Встреча Св. Пасхи в Париже.

Вольные казаки ст-цы А. И. Кулабухова встречали Св. Пасху в доме ст. атамана С. Н. Федосеева.

Подготовительную работу к празднику Пасхи взяло Правление, а сервировка пасхального стола была выполнена друмя казачками-француженками, которые успели воспринять казачий обычай, а одна из них, г-жа Черткова, успела подарить Куб. каз. Войску... карапузаченка Ваню...

Пасхальные разговены начались в 9 час. утра и продолжались до 8 час. вечера. За это время в головах казачьих промелькнуло былое славное прошлое, разрешались политические вопросы, которые привели Казачество к настоящим страданиям и мукам. Ст. атаман, обращаясь к присутствующим, сказал:

„В отдаленные славные времена во главе Казачества стояли Атаманы из казаков-националистов, а поэтому Казачество и жило самостоятельно и независимо. С потерей истинных защитников казачьих интересов Казачество потеряло все и подпало под иго Москвы. В наши дни мы потерпели поражение потому, что у нас не было настоящего казачьего Атамана-националиста. Лишь сейчас мы, вольные казаки, имеем у себя таких патриотов, ведущих нас к ясной казачьей цели. Дай Бог, чтобы они отстаивали казачьи интересы с неослабеваемой энергией, — и тогда наступит Воскресе-

ние Казачества. В работе по освобождению Казачества мы должны всеми силами их поддерживать. За их работу слава им, слава И. А. Билому“. (Все встали и слышится „Слава“, сливаясь с „Ура“).

Ст. П. А. Калита произносит здравицу за Окр. Ат. А. К. Ленинова и за Правление. Снова слышится „Слава“.

Ст. Е. И. Чертков, подчеркивая стойкость и решительность Югославянского Окр. вольно-казачьего Правления, сказал: „Слава Богу, что мы казаки!“ Снова раздалось новое „Слава“.

(Соб. кор.).

В Валянсе.

8-го апреля с. г. Окружной Атаман в. к. во Франции А. К. Ленинов посетил вольно-казачью группу в городе Валянсе и прочитал доклад на тему: „Казачи-Некрасовцы и казачий вопрос“. На собрании присутствовало много казаков. Докладчик кратко, но ясно описал эпопею казаков-Некрасовцев и, перейдя ко второй части своего доклада, нарисовал бывшее и настоящее положение казаков, начало и развитие вольно-казачьего движения и в конце подчеркнул, что только совместными усилиями всех вольных казаков и дружной работой мы достигнем своей цели. По окончании доклада казаками было задано много вопросов, на которые получены были удовлетворительные ответы. Казаки остались весьма довольны докладчиком.

Старший группы Ф. Л. Водяный.

Писарь Зотов.

В Тулузе.

Правление Тулузской имени А. Кулабухова В. К. станции 24 марта 1934 г. в 8^{1/2} час. вечера на rue Gambetta № 43 устроило В.-К. собрание, посвященное памяти К. Л. Бардижа. Председатель собрания, есаул Курило, открывая собрание, в кратких словах ознакомил аудиторию с темой предстоящего доклада и пре-

доставил слово докладчику, станичному атаману под'есаулу Якименко, который познакомил собравшихся казаков с жизнью и деятельностью расстрелянного большевиками есаула Бардижа: о его ученических годах, о том, как и когда был он избран в Государственную Думу от Кубанцев, и что он проводил в жизнь для Казачества. Заканчивая свой доклад революционным временем, докладчик подробно и ясно рассказал, как К. Л. Бардиж работал в Кубанской Раде, как потом сформировал отряд Вольного Казачества, и где с этим отрядом воевал против большевиков; как и при каких обстоятельствах был впоследствии расстрелян вместе со своими двумя сыновьями.

Доклад этот произвел большое впечатление на собравшихся казаков и еще раз заставил больно жаться казачье сердце по утраченной свободе.

По окончании доклада председатель собрания сердечно поблагодарил докладчика за его труд; благодарили его и казаки.

Присутствовавший на докладе, но не состоящий в станице В. К. донец Просихин сказал: — Спасибо вам, г-н атаман, что вы рассказали нам, кто такой был Бардиж. Хорошо было бы, если бы вы почаще устраивали такие доклады, т. к. многие казаки совершенно не знают своих героев.

Хорошо было бы, если-б вы собирали материал не только о кубанских героях, но и о донских.

Докладчик ответил, что материалы уже собраны и собираются еще о всех героях каждого войска и в свое время будут прочитаны.

На докладе был и хуторской атаман В.-К. хутора в Оше, инженер А. Усатов, который в частной беседе познакомил нас с жизнью В.-К. хутора в Оше, а также приветствовал собравшихся от имени своего хутора.

На собрании мало было казаков, т. к. большинство из них, работая на фермах, были заняты и не смогли приехать.

После доклада перешли в кафе, где долго еще сидели, делясь друг с другом пережитым.

(Соб. кор.).

Письмо в редакцию.

М. Г. г-н Редактор!

Не откажите поместить в уважаемом нашем журнале нижеследующее:

После окружного с'езда вольных казаков во Франции я только теперь случайно прочитал брошюру „опозиции“, где написано, что я незаконно был выбран делегатом на с'езд. Много говорить не буду. Скажу, что это ложь. У меня в организации в то время было два калмыка, два казака и две казачки, и меня выбрали делегатом все они сообща.

В журнале „Казакция“ пишут, что было два калмыка, и что я „сбегаю“ в Десин за доверенностью и как-будто сам ее написал... — Опять ложь. Доверенность писал г. Барашкин, а подписали г.г. Чуримов, Георгиев и одна казачка.

Если „опозиция“ начинает строить свое дело на лжи и обмане и вводит честных казаков в заблуждение, то кончится все тем, что она, „опозиция“, потонет сама в своей собственной брехне.

В заключение скажу: Да, здравствует Казакция! Да здравствует И. А. Бильий!

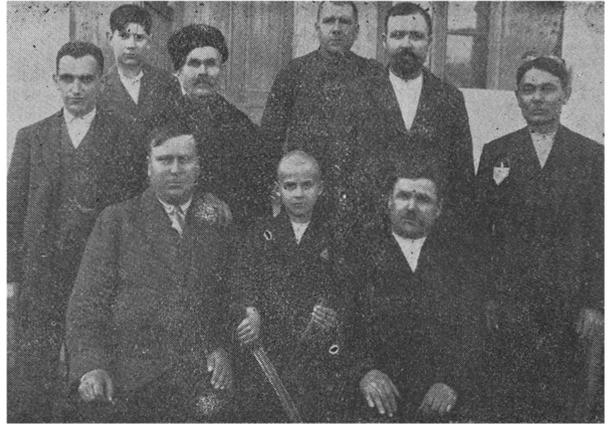
Уважающий Вас В. Фролов.

Décines, France 6-IV-34 г.

ВК в ЮГОСЛАВИИ.

В В. Бечкереке.

Кубанская Вольно-Казачья имени ген. Я. Г. Кухаренко станица в Великом Бечкереке в день Светлого Христова Воскресения, в 9 ч. утра, собралась в станичном помещении для встречи Св. Пасхи. В праздновании принимали участие Украинская громада, во главе с головой громады Г. Н. Мельничуком, и несколько донских казаков.

ВК хутор в Грделица. Сидят: хуторской атаман Е. М. Кичкарь и писарь И. Н. Шевченко.

Атаман станицы Ачмизов произнес следующую речь:

„Христос Воскресе, дорогие станичники! Сердечно поздравляю вас всех с высокоторжественным праздником Светлого Христова Воскресения и желаю вам скорейшего возвращения в родные Края... Четырнадцать лет, четырнадцать Светлых праздников мы встречаем на чужбине не с полной радостью в душе, но довольные хоть тем, что имеем возможность в этот великий день побывать в храме Божьем и послушать торжественное пасхальное песнопение, а затем, придя к себе на квартиру, вкусить освященной пасхи и крашенных яиц... Там в родных наших Краях, наши родные и близкие не имеют этой возможности... Тяжело нам на чужой стороне без своих родных, но еще тяжелей приходится нашим родным отмечать этот день, ибо они придавлены московскими варварами и морально, и материально... Разве легко было моей семье встречать Св. Пасху в 1933 г., когда она не имела в этот день даже куска хлеба и разговлялась кукурузным хлебом и картофелем? А разве теперь положение моей семьи и многих других улучшилось? Конечно, нет... Так давайте, братцы, в этот светлый день мысленно перенесемся в родные Края. Пусть каждый хоть на миг почувствует тот смертельный гнет, который испытывает там родное Казачество. Пусть каждый из нас подумает о том, что там не слышат даже церковного колокольного звона... И разве не сожмется от боли сердце казака при воспоминании об оскверняемой пришлыми хамами родной Земле и о страданиях близких?.. Пусть эта боль пронизет все казачье сердца и объединит всех казаков вокруг Вольно-Казачьего Знамени... К великому нашему стыду, среди нас есть еще малодушные, не верящие в Воскресение свободного Казачества, а потому и не работающие вместе с остальными для восстановления своих Казачьих Краев...“

Христос воскрес для всех людей на земле. Зло и неправда, чинимые над нашими родными красными изуверами, скоро прекратятся. Не допустит Господь, чтобы враги Казачества бесконечно попирили все, что почитается казаками за смятое: Церковь, семья, честь и совесть... Прославим, братцы, Воскресение Христова и помолимся Господу о скором Воскресении Казачества. Родным же нашим мысленно пошлем „Христос Воскресе“ и хотя бы мысленно получим ответное „Воистину Воскресе“. Да воскреснет Казачество, крепкое и здоровое в своем национальном единении, и да будет служить оно самому себе — своему государству Казакии.“

После этого атаманом станицы оглашены были поздравления: от Окружного Атамана П. С. Полякова, атамана Панчевской станицы г. Евсикова, атамана Кральевской станицы г. Кривца и другие. От Украинской громады приветствовал станицу с праздником Св. Пасхи секретарь громады г. С. Третьяченко.

(Соб. кор.)

ВК в ГЕРМАНИИ.

В Ганovere.

Нижеподписавшиеся вольные казаки устроили совместное скромное празднование Св. Пасхи. Помещение, в котором происходило празднование, было украшено нашими национальными флагами.

После того, как собравшиеся разговелись, П. Т. Лосев произнес небольшую речь и прочитал полученное из Центра письмо-доклад на тему о необходимости организации казачьих национальных сил; письмо это тронуло нас до глубины души. По прочтении доклада П. Т. Лосев говорил о том, что мы должны быть организованы и политически осведомлены, для чего необходимо читать наш родной вольно-казачий журнал. Заканчивая свою речь, П. Т. Лосев предложил присутствующим задавать ему вопросы. Вопросов задано было много. Ответы на них П. Т. Лосева всех нас удовлетворили вполне.

И. В. Буянов критиковал деятельность наших Атаманов и говорил о том, что нам необходимо избрать достойного Атамана, а чтобы выбор был хорош, нужно читать свой вольно-казачий журнал, который учит нас многому и напоминает о старых ошибках, которые не следует повторять.

Т. Лозин заявил, что он только теперь, по ознакомлении с письмом из Пражского Центра, убедился в необходимости отнестись серьезно к вопросу организации вольных казаков.

Затем выступил Георгий Людека:

— Я хоть и не казак пока, но мать у меня казачка, в жилах моих течет казачья кровь, и я так же люблю Казачество, как и вы все. Я готов пожертвовать всем для блага Казачества... Благодарю от глубины души вас, станичники, за то, что вы приняли меня в здешний хутор, в свою казачью среду...

А. Д. Дидов: — Станичники, я — украинец. Здесь нет ни одной украинской организации, а поэтому я прошу вас принять меня в вашу организацию. Цель наша — общая: освобождение родных Краев от кацапов... Долой русских с наших Земель! Да здравствуют Вольная Украина и Вольное Казачество!..

После всего прочитанного и сказанного решено было образовать здесь, в Ганovere, маленький хутор и назвать его Ермаковым. Хутор имени И. А. Билого, правление которого находится в Руте, — слишком далеко, что является большим неудобством. Хуторским атаманом выбрали мы себе хор. Лосева.

П. Т. Лосев, Г. Людека, А. Дидов,
И. Буянов, Т. Лозин.

ВК в БЕЛЬГИИ.

В Péronnes-lez-Binche.

В субботу под Светлое Христово Воскресение, в Перонн стали собираться казаки для встречи великого праздника. По разным причинам не все смогли собраться в одно место. Не было, к сожалению, и нашего хуторского атамана Г. К. Рудакова.

Некоторые из хуторян, с приготовленной для освящения пасхой, на грузовом автомобиле отправились в Шарлеруа в церковь. Выслушав заутреню и обедню, с освященной пасхой в 5½ час. утра 8/IV возвратились в Перонн. К 8-ми час. утра собрались за приготовленный стол. Перед тем, как вкусить освященной пасхи, троекратно пропели Христос Воскресе, разговелись, чем Бог послал, и выпили по чарке водки, поблагодарив Господа Бога за его милость к нам, за то, что мы имеем возможность достойно встретить этот великий день... Вспомнили про своих родных, страждущих под игом окаянных русских большевиков... Грустно стало на душе у каждого казака... Но, веря в Воскресение Христа, верим мы и в Воскресение нашего дорогого Казачества.

Приступая к обеду, выпили за здоровье наших дорогих борцов за счастье Казачества: Игнатия Архиповича Билого, его сотрудников и всех ягновых казаков.

Победа, начали тихонько напевать свои родные казачьи песни. Между песнями шли разговоры о родных станицах и хуторах. Говорили обо всем том, что только могло тревожить казачье сердце и душу. Больше всего тревожила каждого из нас неизвестная судьба наших родных и близких в СССР (в „Стране Слез, Страданий и Рабства“)... Умерших и погибших родных помянули словами „Царство им Небесное“, о живых говорили: „Где они, дорогие, и как проводят сегодняшний день?.. Знаем мы хорошо лишь одно: там не могут они открыто приветствовать друг друга пасхальным приветствием „Христос Воскресе!“ Там нет красного яичка, которым обмениваются при христосовании.

Вот эта-то неизвестность и заставляет каждого из нас серьезно подумать и решить окончательно стать на тот путь, который ведет нас к счастливому будущему. Путь нами уже избран, и с этого пути нас может сбить только смерть. Другого пути для спасения родных Краев нет и быть не может. Всякий другой путь — ложный путь. По нем идут жалкие холопы, жаждущие служить на цыпочках прежним „добрым“ господам из далекой и чуждой нам Москвы. Не было, нет и не будет с той стороны для нашего брата, казака, что либо доброго. Было, есть и будет только одно: дай казак из своего добра то, что имеешь, и, дав, не рассуждай, а иди охраняй, как цепной пес, границы русского государства...

Наше добро должно всецело принадлежать только нам, казакам. Мы сумеем постоять за свое.

Так собравшиеся хуторчане-вольные казаки проводили первый день праздника Св. Пасхи — в единении мыслей, желаний и стремлений.

На второй день Пасхи, в 10 час. утра, к нам из Шарлеруа в Перонн прибыл старый потомок рыцарей Запорожских, сотник Дерка Тарас Ефремович, который никогда с нами раньше ничего общего не имел. Приняв его, как гостя, мы предложили ему хлеб-соль. Поднявшись, старый казак с чаркою в руках обратился к нам и начал говорить спокойно на своем родном черноморском языке. Речь его приблизительно такая:

„Братья казаки! Выьем мы за здоровье своих родных, за свои родные Края и за свои родные курени. Только за них, за наши любимые Края, должны вы стоять, дорогие братья; защищать вы должны только границы родной Казачьей Земли, которая должна быть независима от Москвы. И делать это мы должны так, как наши деды и прадеды. Мы должны быть вольными казаками, а не крепостными!“...

После этого все встали и пропели Кубанский Войсковой гимн. Потом полились песни. Наш гость пел первым, да так стройно, что и молодой едва ли так сумеет...

В 4 часа наш гость стал собираться домой. Стали собираться и наши хуторчане, прибывшие в Перонн из разных мест. Пероннцы проводили кого до ж. д. станции, а кого до трамвая и, распрощавшись с отъехавшими, вернулись в свои квартиры.

Жаль было, что отсутствовали наш хуторской атаман и др. казаки-хуторяне. Причины на это были у каждого свои, а желание было у всех хуторян — праздновать Пасху всем вместе; сложилось дело иначе.

Вольные казаки в Бельгии, идя своим славным историческим путем, все более и более крепнут на таком, ибо нет у них сомнения в правильности этого пути. Главным же источником для укрепления нашего духа является родная вольно-казачья литература.

Пробуешь иногда заглянуть в мутные болотца жалких казачков-единонеделимцев и казембековцев и и что же там видишь? Там они всей своей силушкой стараются угодить прежним русским „барам“ и наперед стремятся избавлять русских людей от их же русских большевиков, которые разоряют наши Края, грабят и уничтожают наш Казачий Народ. Это позорное пресмыкание „неделимцев“ и „казембековцев“ для нас, казаков-националистов, просто противно. Никак мы не можем совместить понятие казак с названием „русский“ или „младоросс“.

Тысячу раз прав наш старый казак, терец Иван Томаревский, когда говорит: „казак без воли — не казак, а лишь название пустое, он будет по просту батрак, холоп, бесправный и не боле!“

Все казаки, а особенно черноморцы, должны взяться за ум и прислушаться к голосу таких старых казаков, как генерал П. И. Кокунько, сот. Дерека и покойный подпор. Семен Никитич Назаренко. Последний, умирая, сказал своему сыну Ивану: „Ты теперь остаешься сам, будь настоящим казаком“..

Послушаем же голоса разумных старых казаков! Не послушаем — Казачеству гроб!

Да здравствует Казачий Народ на многая лета!

Н. Боровлев.

13. IV. 34.

В БОЛГАРИИ.

О „Казачьем“ С'езде в Софии.

На днях в Софии был разыгран веселый фарс под названием „Казачий С'езд в Болгарии“.. По первоначальной идее „С'езд“ должен был преследовать цели упорядочения связи между казачьими организациями в Болгарии и улучшения их экономически-правового состояния. Однако, на деле была осуществлена попытка превратить его в анти-вольно-казачью демонстрацию.. Уже одно то обстоятельство, что вышеупомянутый „с'езд“ был перенесен по настоянию г. Куницына, члена правления Соф. каз. станицы, русского человека, из всех сил лезущего в „опекуны“ к обездоленному казачеству, на ту же дату, что и С'езд казаков-националистов в Болгарии, позволяло заключить, что это будет за „с'езд“ и какие он „цели“ будет преследовать!.. Действительность оправдала и даже превзошла все предположения... „С'езд“ с самого начала оказался в руках опытных „русских людей“, а казаки сидели робкой массой, не смеющей проронить слова „суперечь“ того, что преподносил им председательствовавший г. Куницын, который с другими „русскими людьми“, неизвестно почему именуемыми себя казаками, стал вертеть собранием по своему усмотрению!.. В председатели собрания и даже в его помощники не нашлось казаков... Выше названные господа, учтя молчаливую покорность казачьей публики, моментально приступили к накидыванию русского хомута на покорно подставленные „выи“... Сразу был „отшит“ и „стусеван“ главный организатор „С'езда“, атаман Соф. станицы С. В. Генералов, на свою голову призывавший „россиян“ посетить „массово“ С'езд... Если бы не происходил одновременно С'езд Каз. Националистов, то наверное бы современные „варяги“ в лице 100% мужиков Куницына, Курбатова Милашевича и др. получили новоявленный „Каз. Союз“ в „вечное владение“... Но некоторые казаки из „благоразумных“, учтя факт с'езда Каз. Нац., где под сенью сине-малиново-желтого флага заседали вольные казаки, „увидели себя принужденными“ к избранию казачьего состава правления, единственно, чтобы не дать возможности самостийникам зло посмеяться

над „униженными“ и „оскорбленными“ „русскими казачками“..

В итоге с'езда лишний раз на потертой атаманской пластинке русский граммофон сыграл старую русскую песенку!..

(Соб. кор.).

В Ч. С. Р.

Конец „Казачьего Набата“.

Конец „политической“ карьеры Чапчикова.

Как сообщило Правление „Русского Союза военных инвалидов“ подлежащим организациям и установлениям, постановлением чрезвычайного общего собрания Союза в Праге, состоявшегося 14 апреля с. г., члены Союза инж. Л. Н. КокOLEВСКИЙ и полк. Григорий Ив. Чапчикова за произведенный ими на годичном общем собрании Союза 24 марта 1934 г. подлог и замену подлинных избирательных записок подложными исключены навсегда из Союза.

Еще раньше этого г. Чапчиков лишен инвалидной стипендии, получающей им от Чехословацкого пр-ва через названный Союз, очевидно, тоже за „хорошие“ дела..

Словом, в казачье-младоросских кругах не все в порядке. Вот почему и „Казачий Набат“ „волею Божиею помре“ (последний номер вышел 1 января с. г.). Говорят даже, что „К. Н.“ прекратил свое существование совсем не добровольно..

„Пикантная“ деталь с общего собрания, исключившего Чапчикова из Союза: защищал „содруга“ Чапчикова больше всех ген. Сидорин. „Пикантность“ в квадрате: членам собрания не понравилось в устах ген. Сидорина слово „содруг“ („содруг“ — по чешски „товарищ“, так зовут друг друга чешские коммунисты), а второе „немаловажное обстоятельство“ было то, что „операция“, которую позволили себе г. г. КокOLEВСКИЙ и Чапчиков, была направлена к тому, чтобы при помощи подмены избирательных записок провести на некий пост в Союзе как раз ген. Сидорина.

Кто такой г. Чапчиков, казаки знают очень хорошо. Настоящий „штрих“ в его „характеристике“ сам по себе нас интересует мало. На другое мы хотим в данном случае обратить внимание казаков:

через господ Чапчиковых хочет володеть казаками претендент на российский престол Кирилл Романов. Если это делается сейчас, то каких же Чапчиковых в наказные атамань пришлось бы ждать к себе казакам в будущем от будущих русских царей из дома Романовых, если бы они снова сели на трон своих прародителей!..

Одно, конечно, у нас утешение: Бог не выдаст... В самом деле: Если Кирилл I вынужден делать свою „акцию“ в казачьих рядах через г. г. Чапчиковых, то ни „акция“ эта его не серьезная, ни „виды“ самого претендента насчет трона тоже не серьезные..

Откровенно говоря, мы можем только пожелать побольше Чапчиковых в ряды младороссов и кирилловцев — мы от этого не проиграем.

На Дальнем Востоке.

(Письмо в редакцию).

АТАМАНАМ СТАНИЦ:

Оренбургской, Сибирской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Амурской и Уссурийской (в Харбине).

Просьба прочесть казакам на станичных собраниях.

Дорогие станичники!

Правительство Маньчжу-Го благосклонно отнеслось к нуждам Казачества в Азии. Оно дало возможность казакам объединиться в национальные организации-станции. Казалось, что жизнь казаков здесь, в эмиграции, пойдет быстрыми шагами к национальному возрождению. Но это только казалось, а в действитель-

ности продолжалась старая игра части казачьей старшины на больных струнках казака — борьбе с коммунизмом... То, что веками угнетало и поработало казачий народ, ныне под шумок прославляется, подготавливая умы простодушных казаков к восприятию строя былой всероссийской Византии..

На Д. Востоке в школах и учебных заведениях дети казачьей эмиграции учат русскую историю, которая чужда казачьему народу и в которой о казаках или ничего, или сплошная неправда. Историческое прошлое России — это ее господство над народами, ею поработанными. Россия всегда почти враждовала со всеми народами и всегда стремилась к захвату чужих терри-

торий, в бесконечных войнах расширяла свои границы, порабощая новые и новые народы. Другими словами, это был разгул русского империализма, который, поработив многие народы Европы, разгромив их культуру, устремился наконец в Азию, захватил Маньчжурию, намереваясь перешагнуть море и овладеть Японией; на юге хотел Дарданеллы, а через Афганистан грозил Индии. Словом русский деспотизм намеревался поработить весь Мир и всюду установить однообразное „православное“ деспотическое правление. Эти намерения стали прямой угрозой Японии, последняя была вынуждена выступить в защиту своей неприкосновенности и, в результате, в 1904 г. русско-японская война, которая положила начало распаду всероссийской Византии...

История фиксирует, что после распада некогда могущественной Византии, никакой византийской нации не осталось. На территории б. Византии возродились нации, которые ее составляли, и образовали самостоятельные государства. Поэтому и на территории б. России возрождаются те народы, которые ее составляли, в том числе и казачий народ, и образуют самостоятельные государства, как ныне на территории б. Китая возродились маньчжуры и образовали Маньчжу-Го.

Казачество ведет свое начало из седой древности.

Казачество, как отдельный народ, испокон веков управлялось самобытными республиканскими законами. Эти освятенные веками принципы казачьего самоуправления Москва упразднила и учредила наказных атаманов, которые управляли Казачеством, как деспоты своей вотчиной. Сколько времени Казачество прозябало под игом всероссийских наказных атаманов? Мерами дикого понуждения казачий народ обратили в сословие „русских людей“ и держали его в невежестве и темноте целыми столетиями, лишив его казачьей трибуны — печатного сюета. Об этом деспотизме вы, господа хорошие, молчите и не говорите казакам? Что, боитесь говорить правду? Так знайте, что ложью и покровительством деспотизму вы себе роете могилу, ибо голос правды казаки услышат все равно...

Здесь будет не лишним вспомнить некоторые факты „благоденствия“ всероссийского правительства по отношению к Казачеству.

В 1708 г. по распоряжению Петра I-го православный князь Долгорукий русским воинством разгромил Дон, уничтожил 50% населения и, чтобы устрашить казаков, по реке Дон пускал плоты с виселицами и виссящими на них трупами казаков.

В 1670 г. была „ликвидация“ Разинского „бунта“... Здесь были проявлены такие зверства со стороны Московии, что впору только нынешним большевикам.

В 1773 г. была „ликвидация“ Пугачевщины. По терминологии Московских историков это был „бунт“, а по иным историческим данным и по размерам и характеру этого движения, это было революционное, всенародное движение против деспотии крепостничества. Жестокости ликвидаторов так дико, что сравнения им можно найти только в большевицких застенках.

В 1800 г. была ликвидация Грузинова, опять льется казачья кровь...

В 1796 г. Екатеринославское Казачество было кроваво уничтожено. В 1797 г. Бугско-Вознесенское Казачество также было разгромлено и уничтожено. Но в 1811 г., когда Французы шли на Московию, лицемерная Москва снова восстановила Бугское казачество, которое прошло всю Европу и брало Париж. Казачество за подвиги имело 15 георгиевских знамен, но когда нужда в казаках миновала, в 1816 г. Москва Бугское Казачество опять разгромила и переименовала в крепостных крестьян дикой Аракчеевщины, образовав колхозы православной коммуны...

Ермак Тимофеевич (он же Василий Тимофеевич Алены, казак Донского Войска, Касалинской станицы) завоевал Сибирь. Ясно, что Енисейское и Иркутское Войска — это потомки славных завоевателей. Что же? Московия эти Войска упразднила, превратив их в крестьян, чтобы казачья нация расплылась и в будущем не могла бы возродиться. Это тоже благоденствия той России, о которой вы, „русские казаки“, болаете и которую восхваляете...

Наконец, на Кубани в марте 1918 г., в целях борь-

бы с большевиками, было заключено соглашение между армиями: с одной стороны Добровольческой, возглавлявшейся ген. Алексеевым, Корниловым и Деникиным, а с другой — армией Кубанского Правительства и Войскового Атамана, на началах сохранения полного суверенитета Кубанского Края. И что же? Ген. Деникин, как русский и последователь Московии, вероломно нарушил договор и в ночь на 20 ноября 1919 г. силою оружия разгромил Кубанскую Краевую Раду-Парламент, 12 человек членов парламента сослал в ссылку, а члена парламента и делегата на Мирную Конференцию в Париже А. И. Кулабухова повесил. Это тоже благоденствие России? Полагаем, что дальше идти некуда! И никакие компромиссы с русскими невозможны. Значит, единственный путь — самостоятельность.

А по правде говоря, кто нам дал большевизм? Откуда он пришел и зачем? Вот вопросы, которых вы никогда не подымали. По вашему „мудрому“ разъяснению это масоны, а по историческим данным — это русские люди в красной рубахе. Родоначальник большевиков — столбовой дворянин, православного вероисповедания, помещик Симбирский и Казанский, Ульянов-Ленин. (Смотри историю большевизма в России ген. Спиридонова). А откуда большевики к нам пришли, вы хорошо знаете. А зачем они к нам пришли? С той же целью, что и цари Московии приходили — окрестянить казачий народ и превратить их в колхозников по типу Аракчеевской православной коммуны. А с кем и против кого казаки воевали? С русскими людьми православной Москвы, защищая свою Родину и свой казачий народ!

Казачьей прессы, которая бы разоблачала все замыслы наших недругов и врагов, нет, а русская пресса, как испокон веков, так и ныне, лицемерит и под шумок борьбы с коммунизмом, делает свое дело. Она травит тех, кто поднимает свой голос в защиту угнетенных и называет их „пособниками большевиков“, играя на инстинктах массы страданиями народов под игом коммунизма. Особенно жестоко поносят самостийников, людей которые ведут борьбу против большевиков за независимость и возрождение своего народа.

Во всех почти случаях русские кричат, что они враги коммунизма, и что якобы вся их цель — это борьба и борьба с коммунизмом, и что будущее устройство России их мало, или совсем не интересует, ибо это дело народа, как народ скажет так и будет. Ясно что эмиграция жаждет свержения коммунизма, ей все приемлемо. Но так ли думают те, кто проповедует эту борьбу? Рассмотрим их подлинную работу. Случай нам помог это сделать. Стоило только Японии наемкнуты на то, что она намерена СССР лишить влияния на Д. Востоке и этим спасти многострадальный народ Сибири и Д. Востока от голодной смерти и деспотического коммунистического режима, как всероссийские „деятели“ — ген. Деникин, проф. Милюков, Керенский, Общевоинский союз, „Возрождение“, ген. Хорват, Дитерихс и др. — подняли свой голос в защиту СССР, как единой неделимой всероссийской империи. Они, забыв все страдания народа, сразу оказались в союзе с СССР...

Казаки никогда и ни при каких обстоятельствах с большевиками за одно не пойдут! У казачества есть своя дорога — это национальное возрождение казачьего народа!

Преступление молчать, а еще больше — толкать казачью массу на ложный и гибельный для Казачества путь! Казаки должны знать свою историю, свое прошлое, до-российское и настоящее большевицкое, а значит и свое будущее! Казаки должны иметь свою казачью трибуну-газету, чтобы громить своих исконных врагов, поработителей и угнетателей! Это должна сделать казачья интеллигенция, старшина и атаманы! Это их долг, их обязанность!

Но к великому сожалению, казачья интеллигенция, за малым исключением, сама способствует новому закабалению казачьего народа. Она, совместно с частью казачьей старшины, под лживый выкрик „возврата к старому нет“, тащит казачий народ к его поработителям и угнетателям праздновать „октябрины“ императорской России, украшая казачий дом флагами своих поработителей (тогда как каждое Войско имеет свой

национальный флаг), и этой предательской работой подготовляются умы простодушных казаков к восприятию старого, чем в корне провоцируется идея векового казачьего самоуправления — Круга и выборного Войскового Атамана!

Обще-Казачья станица в Харбине ставит казачьей интеллигенции, старшине и атаманам на вид эти преступления не для того, чтобы обидеть или оскорбить, нет, для того, чтобы предупредить о том, что время шуток с казачьим народом ушло безвозвратно...

Обще-Казачья станица приступила к подготовке выпуска казачьего журнала под названием „Казачество в Азии“ и было бы желательно этот журнал сделать казачьей трибуной на Д. Востоке. Если казачья интеллигенция, старшина и атаманы отбросят ненужные раздоры и перестанут выслуживаться у своих врагов и поработителей и встанут на путь казачьей нации, тогда журнал „Казачество в Азии“ станет не только трибуной свободной казачьей мысли, а оплотом Казачества, что позволит организовать реальную борьбу с коммунизмом!

Программа Обще-Казачьей станицы в Харбине состоит из следующих пунктов: 1) объединить всех казаков на Д. В. воедино, 2) выявить национальную казачью идеологию и ее принципы, 3) выработать из казаков самостоятельных политическо-национальных руководителей и деятелей казачьего народа, 4) воспитать молодое казачье поколение в национальном казачьем духе, 5) добиться „легализации“ казачьей нации и отрешиться от „русского псевдонима“, 6) открыть беспощадную борьбу с поработителями Казачества, в том числе с диким и варварским коммунизмом и 7) изыскать способы союза со всеми народами и нациями, в принципе — Братство Наций!

Общей-Казачья станица, для проведения своей программы, широко открыла двери для желающих, и тот, кому дорога казачья нация и казачий народ, кто хочет знать прошлое и будущее Казачества, должен записаться в Обще-Казачью станицу, чтобы прослушать курс лекций и докладов по казачьей истории и стать само-

стоятельным политическо-казачьим деятелем и руководителем казачьего народа!

Казачья эмиграция в Европе — Донцы, Кубанцы, Терцы и др. — объединилась под знаменем Вольного Казачества, ведет борьбу с своими поработителями и надеется, что казачья нация возродится.

Обще-Казачья станица призывает всех к единению, чтобы общими усилиями добиться реальной поддержки в борьбе против злейшего врага и варваров большевиков. Но принципы всероссийского и других масштабов, где казачество сводится к сословию и „русским людям“, казачеству чужды, как принципы коммунизма, и Казачество всеми имеющимися у него силами и способами будет бороться против этих двух разновидностей Московского деспотизма не только в эмиграции, но и там, на Родине!

Из опубликованных материалов бесспорно одно обстоятельство. Это то, что народы б. России, в том числе и казачий, веками поработались, и в данное время эти народы и казачий народ поработены той же Москвитной в красной рубашке. Мы хотим освободить нашу Родину от варваров, значит мы должны бороться против варваров. Мы не представляем возможным другой борьбы и раз навсегда должны сказать, что у казачьего народа, кроме Москвитии, не было и нет других врагов! Токио, Нанкин, Париж, Лондон, Вашингтон, Рим, Берлин, Варшава, Прага, Анкара и др. — это наши друзья!

Все народы Д. Востока и Сибири, в том числе и казачий, должны всемерно поддерживать принцип Азиатской проблемы, считая, что на западе граница Азии — Урал, что народы Азиатской территории самоопределяются национально и входят в Лигу Азии! Это наш девиз!

По всем вопросам, вас интересующим, адресуйте: Новый город, Новоторговая ул. Украинский Дом, редакция газеты „Маньчжурский Вестник“. Атаман принимает по воскресеньям от 12 до 2 ч. дня.

Атаман станицы А. П. Грецев.
28-III-934. Харбин. Писарь И. С. Константинов.

В К а з а к и и.

Большевики готовят специальную армию против „внутреннего врага“.

В „Возрождении“ от 19 апреля напечатано сообщение из Лондона следующего содержания:

„В СССР создается новая вооруженная сила. Профессиональным союзам предписано принять участие в организации новых отрядов „пролетарских стрелков“. Каждый проф. союз должен отобрать два процента своих членов и сделать из них образцовых стрелков для зачисления в „ворошиловские стрелки“ — новое войско, создаваемое параллельно красной армии. Численность этих новых советских формирований в трехмесячный срок должна достигнуть 300.000 человек. — Русский корреспондент „Таймса“, в дополнене к этому, сообщает, что организация этих новых боевых сил возложена на С. Каменева, бывшего главного инспектора красной армии. Каменеву предписано к 15 августа организовать 500.000 человек в стрелковые отряды.“

— Для нас не подлежит никакому сомнению назначение, т. е. цель формирования этих „новых вооруженных сил“ „пролетарского государства“. Т. к. для красной армии ожидается испытание „внешнее“ с большим вопросительным знаком относительно конечных результатов этого испытания, то московские кремлевские владыки заранее готовят силы и против врага „внутреннего“. Этот внутренний враг, конечно, — народы, борющиеся за свое освобождение, а среди них в первом ряду — Казачество.

Мы же знаем наверняка, что если красная армия своего испытания не выдержит, не удержат больше красные завоеватели в своих руках ни одного из оккупированных ими народов, не помогут им потом никакие „ворошиловские стрелки“.

Поражение красной армии принесет свободу многим народам, если они к тому времени сумеют надлежащим образом подготовиться.

Будем готовиться и мы.

Все та же война.

(Из передовой „М.“ от 24 марта).

Какой главный вывод напрашивается прежде всего из публикуемой сегодня сводки о ходе сева по краю?

Вывод о том, что далеко не во всех районах партийные организации, коммунисты на деле возглавили и организовали посевное наступление, наступление против всех врагов колхозной зажиточности, наступление за высокий урожай, за высокий доход на трудодень, за крепкие большевицкие колхозы.

От задач сева, от политических производственных настроений колхозников явно отстает организаторская работа. Там, где нужен боевой непримиримый дух в борьбе с лодырями, разгильдяями, дезорганизаторами полевых работ — там еще много бесхарактерности, самотека, мягкотелости.

Только этим объясняется и пестрота показателей сева по многим районам, находящимся в одних и тех же условиях...

Негодное руководство севом дальше не может быть терпимо. Сегодняшняя посевная сводка должна многому научить всех руководителей, все райкомы, все политотделы нашего края. И прежде всего научить видеть за цифрами пахоты и сева — наступление на врага, который еще силен, еще не сложил полностью оружия. Об этом враге с исчерпывающей ясностью говорил на слете бригадиров тов. Шеболаев:

„Мы не можем забывать, что враг еще жив, и что

этот враг не только в лице кулацкого охвостья делает свое черное дело (а примеров этого немало), но что назад тянут нас старые навыки, наследие старого, „пержитки капитализма“, проявляющиеся, прежде всего, в нашем отношении к труду, к колхозной собственности. Это — лодырничество, разгильдяйство, воровство, которого еще достаточно, и, наконец, это просто безразличное, прохладное отношение к колхозному делу, которое подтачивает силу колхоза“.

Не фельетон, но...

На станции Гулькевичи бесшумно дежурят в ожидании отправки 600 свиней. По своим качествам — это цвет среди свиных племен и сословий. Чистопородные. Элита. Гордость свиноводов знаменитого совхоза „Венцы Заря“.

Впрочем, судить о качестве свиней сегодня так же мудрено, как и о количестве их. Ибо свиньи получили путевки четыре месяца тому назад. Тогда они были закуплены в совхозе „Венцы Заря“ совхозом московского металлургического завода „Серп и Молот“.

Железная дорога предложила отправителям: взвесить свиней перед погрузкой. Свиней взвесили. Вагонов не дали. В начале января „перед погрузкой“ свиней снова взвесили. Вагонов не дали.

Погом свиней начали взвешивать почти ежедневно. Судьба свиней, так сказать, была положена на железнодорожные весы. Сами понимаете, сколь неустойчиво это положение. Почва уходила из-под ног злополучных свиней. Они начали терять в весе. Чтобы заполнить все возрастающий прорыв в качестве, свиньи приналегли на количество — развернули опоросную кампанию.

К сердитому похрюкиванию свиноматок прибавился бодрый визг молодых поколений. „Полоса отчуждения“ наполнялась все более и более шумной жизнью. Уже не 600, а 1600 голосов требовали немедленной отправки. Станция Гулькевичи была глуха.

Тогда к голосованию за отpravку были призваны новые силы. Уже не 1600, а 2600 голов требовали немедленной отправки.

Прошел январь, февраль, март. Поросычи голоса загубили. Растет молодежь, крепнет.

Дирекция и политотдел свиновхоза „Венцы Заря“ ежедневно околачивают пороги ст. Гулькевичи и 2-го Сев.-Кав. ж.-д. района.

Да что дирекция! Что политотдел!

Свиной вопль дошел до ушей Наркомсовхозов. Наркомсовхозов. обратился в Наркомпуть и НКПС еще 14 января отдал специальное распоряжение С.-К. ж. д. — погрузить свиней на ст. Гулькевичи.

Но, как известно, на нашей дороге каждый сам себе нарком.

Ходоков от „Серпа и Молота“ и „Венцы Заря“ в канцеляриях нашей ж. д. стали обзывать свиньями. Вагонов не дали.

Снова Наркомсовхозов вошел в ходатайство перед НКПС. Дирекция С.-К. ж. д. дважды сделала телеграфное распоряжение 2-му эксплуатационному району:

„Огрузить за счет текущего порожняка 20 вагонов свиней со ст. Гулькевичи“.

Проголкнуть свиней попытался крапоткинский райком партии. Да где ему, коли два наркомата ничего не могут поделать?!

На ст. Гулькевичи идет пятидесятое взвешивание измученных свиней.

Апрель...

Скоро вместо 600 свиней на станции Гулькевичи окажется 6000 свиней. А там надо ждать и третьего поколения. Свиней не грузят. Свиньи транспортные оказались более устойчивыми, чем свиньи из питомников совхоза „Венцы Заря“.

Те, что ждут погрузки, — капризные свиньи, не хотят они потерпеть три-четыре месяца с опоросом, — приспичило их, видите ли.

А транспортные...

Они тоже плодovitы: приказы, рапорты, телег-

раммы — обильный бумажный приплод все увеличивается и увеличивается вокруг вопроса об отпарке 600 свиней...

В Гулькевичах, в Крапоткине в ответ на этот вопрос желдорщины только отхрюкиваются нечленораздельно. Крепкая порода бюрократов. Элита!

Отправки ждет четвертый месяц тоже замечательная порода.

Какая из этих пород окажется устойчивее — покажет второй квартал.

(„М.“ 2 апреля).

Громят Северную область — 6. округа Донецкий и Верхне-Донской.

(Из передовой „Молота“ 10 апреля).

... „Происходит совершенно нетерпимое топтание на месте, в то время как надо с каждым днем набирать все большие темпы, стремительно двигаться вперед...“

В чем главные недостатки сева? Основные кубанские районы в последние пять дней вместо того, чтобы набирать темпы, движутся вспять. Славянский, Тимашевский, Курганенский районы, Адыгея, снизили темпы на пропаших, допускают ничем неоправдываемую передышку. Медленно развертывает сев и вторая группа районов (Мечетинский, Новочеркасский, Шахтинский и др. районы). И самую большую тревогу внушает сейчас совершенно неудовлетворительный сев в Северной области, где размещены основные массивы пшеницы.

Казалось бы, районы второй очереди и Северная область должны были полностью учесть ошибки южных районов. Вместо этого налицо прямое повторение этих ошибок в еще большем размере...

Ярчайший пример безрукости на севе дает сейчас руководство Константиновского района (секретарь константиновского райкома т. Шубин). Константиновская парторганизация имеет боевое задание Краевого комитета: засеять в пятидневку не меньше 25 тысяч гектар. Но за последнюю пятидневку в районе было посеяно только 8.260 га. Больше того, секретарь райкома Шубин на прошедшем радиосоветании и не обещал засеять больше 15 тысяч! Что это, как не позорное малодушие, свидетельствующее об отрыве от колхозов, от лучшей части ударников, беспартийных активистов, горящих желанием засеять быстро, засеять хорошо и этим заложить фундамент зажиточной жизни...

В Северной области особенно отстают Морозовский, Обливский, Кашарский районы. Медленно сеет и Вешенский район“...

Новые месторождения руд и минералов.

В Геленджикском районе найдены железные и медные руды, уголь, литографский камень, газовые и минеральные источники. На Тамани — новые выходы нефти и газов, железной руды и строительных материалов.

Обследованием ейских соляных озер установлено, что одно Ханское озеро может дать 2 миллиона тонн соли. Организация добычи соли из Ханского озера может значительно облегчить транспортирование соли в Ростов и районы края.

На территории Ейского района исследованы неизученные озера: Дробичева и др. Обнаружено, что грязи этих озер обладают целебными свойствами и могут быть использованы для лечения больных.

(„М.“ 10 апреля).

Розыски.

Казак ст. Вознесенской Георгий Милькин разыскивает своих братьев Петра и Павла Милькиных, находящихся, по слухам, во Франции. Просят отозваться по адресу: G. Milkin, v Ćimi ě. 47, p. Nov ý Knin, Tchěcoslovaquie.

